Сборникъ

РѢЧЕЙ ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПАМЯТИ

Кн. Сергѣя Николаевича

Трубецкого.

Изданіе Студенческаго Научнаго Общества
памяти Кн. С. Н. Трубецкого

Москва.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.
1909.

Сборникъ

РѢЧЕЙ ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПАМЯТИ

Кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого.

Изданіе Студенческаго Научнаго Общества памяти Кн. С. Н. Трубецкого

НАПРАВЛЕНО

Москва.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.
1909.

Пров. 1955

В43,4 G
Тр. I

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Кн. С. М. Трубецкой

Настоящій сборникъ составленъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Московскомъ Университетѣ въ засѣданіи Студенческаго Научнаго Общества памяти кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого 16 марта 1908 г., посвященномъ памяти покойнаго профессора.

Общество не случайно начало свою жизнь съ чествованія памяти человѣка, съ именемъ котораго оно связало свою судьбу. Имя кн. Сергѣя Николаевича вызываетъ въ душѣ не только образъ любимаго профессора и рѣдкаго по высокому благородству человѣка: для всѣхъ, живущихъ университетской жизнью, это имя — широкая программа, цѣлое міровоззрѣніе, оставившее глубокій слѣдъ въ жизни не одного только Московскаго Университета, которому покойный профессоръ и ректоръ отдалъ столько силъ своей недолгой жизни. Не одинъ студентъ хранитъ въ себѣ завѣты кн. Сергѣя Николаевича, и воплощеніемъ этихъ завѣтовъ явилось наше Общество.

Въ то намъ всѣмъ памятное время, когда общій кризисъ русской жизни извнѣ и извнутри разрушалъ Университетъ. Сергѣй Николаевичъ сдѣлалъ попытку бросить въ него живое сѣмя культурнаго возрожденія, основавъ студенческое Историко-Филологическое Общество *).

Съ обычной проницательностью и тонкостью своей мысли онъ полагалъ, что тѣ силы, которыя студенты такъ щедро отдавали дѣлу обновленія русской жизни, направлены не по благому пути. Онъ думалъ, что Университетъ, служа своему прямому назначенію и развиваясь, какъ оплотъ русской культуры, дастъ больше этому дѣлу. Но стихійное настроеніе помѣшало студентамъ услышать и понять слова кн. Сергѣя Николаевича, и брошенное имъ сѣмя было растоптано тѣми, къ кому обращался онъ за содѣйствіемъ. Затѣмъ

*) Исторію этого общества см. въ статьѣ А. И. Анисимова. Вопр. филос. и психологіи. 1906 г. кн. I.

надъ Университетами пронесся ураганъ, разрушительные слѣды котораго не стерлись до настоящаго времени, и еще не мало тяжелыхъ дней сулитъ будущее русскимъ Университетамъ.

Основателямъ студенческаго научнаго общества памяти кн. С. Н. Трубецкого думалось, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ огражденія отъ возможныхъ невзгодъ явилось бы повышеніе культурнаго темпа и интенсивности университетской жизни, которое возможно только при дѣятельной инициативѣ самихъ студентовъ.

Сплоченіе товарищей вокругъ научно-культурныхъ задачъ и интересовъ, внесеніе въ ихъ среду терпимости къ чужому мнѣнію, чѣмъ только и дается возможность понять и оцѣнить его,—вотъ путь, который поведетъ къ внутреннему росту духовной жизни въ университетѣ и послужитъ лучшимъ укрѣпленіемъ академической свободы, такъ какъ съ одной стороны ярче всего откроетъ внутреннюю ея необходимость и неизбѣжность, а съ другой — создастъ атмосферу, которая предохранитъ Университетъ отъ распада въ тяжелый часъ.

Такъ понимаетъ молодое Общество завѣты кн. Сергѣя Николаевича и, сознавая ихъ глубокую мудрость, будетъ стараться, поскольку это въ его силахъ, осуществить ихъ. Тѣмъ самымъ Общество памяти кн. С. Н. Трубецкого является наслѣдникомъ дѣла Историко-Филологическаго общества, и это побудило Общество связать свою дѣятельность съ именемъ кн. Сергѣя Николаевича. Вотъ также почему Общество рѣшило издать отдѣльнымъ сборникомъ рѣчи, посвященныя его памяти. Хотя многія изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе обществу хотѣлось собрать ихъ вмѣстѣ, чтобы личность и міровоззрѣніе кн. Сергѣя Николаевича, съ разныхъ сторонъ освѣщенныя въ этихъ рѣчахъ, встали изъ нихъ въ единомъ и живомъ образѣ, столь привлекательномъ и дорогомъ для всѣхъ его знавшихъ.

Черты міровоззрѣнія кн. С. Н. Трубецкого.

Рѣчь проф. В. И. Вернадскаго.

I.

Послѣ смерти кн. С. Н. Трубецкого не прошло и трехъ лѣтъ. Еще въ этихъ стѣнахъ—молодежь, которая его помнитъ и знаетъ лично, для которой онъ былъ учителемъ. Она еще не успѣла возмужать. Еще не смѣнилось даже одно университетское поколѣніе. А между тѣмъ, какъ все кругомъ измѣнилось!

Въ тяжелое и мрачное время намъ приходится жить, но его время было еще безотраднѣе. Свинцовыми, безпросвѣтными сумерками была охвачена университетская жизнь — отраженіе жизни Россіи. И казалось не было выхода. Густой туманъ безсилія тяжелой пеленой ложился на человѣческую личность. Изсякала вѣра въ будущее. Въ это время росъ и воспитывался духъ маловѣрія въ историческую роль русскаго народа, тяжелымъ вѣковымъ трудомъ и страданіями создавшаго великую міровую культурную силу. Въ это время изъ тяжелаго настоящаго не видно было лучшаго будущаго; оно казалось навѣки потеряннымъ, недосягаемымъ. Переоцѣнивались силы защитниковъ стараго. Университетъ замиралъ въ тискахъ этихъ порожденій общественнаго гніенія.

Въ это тяжелое время ярко засіяла свѣтлая личность Сергѣя Николаевича. Быстро засіяла на всю Россію и такъ же быстро загасла. Хрупкая тонкая жизнь надорвалась въ тяжелой обстановкѣ современности.

Вся его жизнь была *борьбой*. Это не была борьба политика, не была борьба человѣка улицы или газетнаго дѣятеля,—это была борьба свободной мыслящей человѣческой личности, не подчиняющейся давящимъ ее рамкамъ обыденности. Своимъ существованіемъ

и непреодолимымъ проявленіемъ себя самой она будила кругомъ мысль, возбуждала новую жизнь, разгоняла сгущавшіяся сумерки. Та борьба, въ которой прошла жизнь Сергѣя Николаевича, была борьбой ученаго и мыслителя—она была проявленіемъ вѣковой борьбы за свободу мысли, научнаго исканія, человѣческой личности. Она была борьбой потому, что смѣло и твердо Трубецкой проявлялъ *свою личность* въ чужой ей обстановкѣ общественной забитости, общественнаго отчаянія, узкой кружковщины.

Свободный, гордый духъ его безтрепетно шелъ своей собственной дорогой.

И во всей его недолгой жизни ярко выступалъ этотъ элементъ искренности и смѣлости личнаго самоопредѣленія. Имъ оживлялось столь быстро прерванное въ самомъ началѣ его философское творчество.

II.

Философская мысль отражаетъ, можетъ быть, болѣе глубоко человѣческую *личность*, чѣмъ какая-нибудь другая форма человѣческой дѣятельности. Въ наукѣ, въ религіи и въ искусствѣ, въ государственномъ творчествѣ неизбѣжныя рамки, созданныя вѣковымъ трудомъ поколѣній, невольно вдвигаютъ личность во многомъ въ чуждую ей обстановку. Они стираютъ элементъ личности — ибо вездѣ приходится считаться съ другими людьми, съ ихъ трудомъ, съ ихъ работой, съ ихъ вкусами, понятіями и представленіями. Приходится идти плечо о плечо съ ними, вмѣстѣ класть камень общаго зданія—приходится искать общаго языка, такъ или иначе дѣйствовать на чуждую душу. И въ этомъ стремленіи, можетъ быть, раздаются новые мотивы, получаются такіе глубокіе отзвуки, которыхъ напрасно мы стали бы искать въ философіи, но въ то же время невольно личность приноравливается къ общимъ формамъ— въ своемъ творчествѣ она связана чужими, готовыми, внѣ ея воли стоящими рамками.

Этотъ элементъ есть и въ философіи, но не онъ составляетъ самую характерную, самую господствующую черту философскаго творчества. Это творчество является главнымъ образомъ отраженіемъ человѣческой личности, результатомъ ея самоуглубленія. Несомнѣнно

и богатый матеріалъ общественной жизни, и интуиціи и концепціи религіи, и великія созданія искусства даютъ матеріалъ для этого творчества. Неизбѣжно научная мысль и научныя завоеванія кладутъ предѣлъ его примѣненію. Но въ оставляемыхъ ими — по существу безконечныхъ — рамкахъ, творческая мысль философа свободна. Она руководится только своимъ разумомъ, только тѣмъ сложнымъ, недѣлимымъ и несравнимымъ элементомъ человѣческаго существа, которое мы называемъ духовной личностью человѣка.

Творецъ всякой философской системы накладываетъ на нее всецѣло свою личность. Онъ можетъ создать свой собственный языкъ понятій, онъ исходитъ изъ непонятныхъ для другихъ переживаній и перечувствованій окружающаго, онъ все окружающее облекаетъ въ странныя иногда и причудливыя формы своего я. Этимъ біеніемъ своего я онъ своеобразно оживляетъ окружающее.

И во все растущую, вѣковую культурную атмосферу созданій человѣческой мысли и чувства, которая окружаетъ насъ и соединяетъ насъ съ давно минувшимъ, самостоятельно мыслящій философъ бросаетъ частицу своего я, результатъ самоуглубленія, отраженія жизни и знанія въ своей духовной личности.

Эта творческая работа философіи суждена немногимъ. Съ каждымъ поколѣніемъ передъ нами становятся все новыя и новыя философскія концепціи—эти своеобразныя, другъ къ другу не сводимыя созданія личностей! И всюду, въ нихъ, новое поколѣніе открываетъ при ихъ изученіи новыя, раньше неизвѣстныя черты. Изучая эти философскія системы, мы какъ бы охватываемъ различныя проявленія человѣческихъ личностей, каждая изъ которыхъ безконечна и безсмертна. Новая философская концепція не замѣняетъ и не погашаетъ старыхъ, какъ не погашаютъ старыхъ созданій искусства новые акты творчества.

Она не теряетъ своего живого значенія и вліянія на человѣческую мысль даже тогда, когда падетъ вѣра въ ея истинность, окажутся невѣрными и неправильными основные ея выводы и построенія. Въ ней остается неразложимое и неуничтожаемое зерно, тѣсно связанное съ реально существовавшей духовной личностью, выраженіемъ которой она является.

Есть или нѣтъ что-нибудь общее между этими философскими

концепціями? Откроетъ ли передъ нами ихъ изученіе что-нибудь такое, что напрасно пыталась высказать и выразить отдѣльная личность? Есть ли въ ходѣ развитія философскихъ идей своеобразная законность, дастъ ли намъ ихъ изученіе по существу новое, заставитъ новымъ образомъ углубиться въ безконечное, насъ окружающее и насъ проникающее? Есть ли *смыслъ* и есть ли *законность* въ исторіи философіи?

Эти вопросы, по существу два послѣднихъ, неизбѣжно становятся передъ всякимъ изслѣдователемъ исторіи философіи. Философъ, обращающій свое вниманіе на эти явленія, ищущій *смысла* въ философскомъ процессѣ, стремящійся этимъ путемъ углубиться въ пониманіе непзвѣданнаго, невольно становится ученымъ, какъ только онъ вступаетъ въ область исторіи философіи, подымаетъ вопросъ о ея законностяхъ, о ходѣ развитія философской мысли. Самостоятельный мыслитель въ этой пограничной области неизбѣжно вдвигается въ строгія рамки научнаго изслѣдователя.

III.

Эта двойственная сторона умственной дѣятельности всякаго философа, становящагося историкомъ философіи накладываетъ на его работу оригинальный отпечатокъ. Она не остается безслѣдной ни для его философскаго мышленія, ни для его научной работы.

Ярко и глубоко эта двойственная сторона духовнаго творчества сказалась въ недолгой жизни С. Н. Трубецкого.

Еще въ послѣдніе мѣсяцы жизни, его интересы сосредоточивались одновременно въ двухъ областяхъ — въ философіи и въ наукѣ. Съ одной стороны, онъ углублялся въ развитіе своеобразной, очень глубокой, мистической стороны своего мышленія, вращаясь въ области идей, связанныхъ съ ученіемъ о логосѣ и съ допущеніемъ эоновъ. Съ другой стороны, всѣ его научные интересы были сосредоточены въ области исторіи древняго христіанства, критики текста книгъ Завѣта, исторіи греческой философіи — одновременно, какъ самаго древняго ея періода, такъ и ея конца — эпохи неоплатониковъ. Онъ подходилъ къ еще болѣе широкимъ вопросамъ—къ исторіи религіи, углубляясь въ исторію религіи греческой. Близкія

области археологіи и языка захватывались его мятущимся духомъ, и по мѣрѣ расширенія его научной работы все болѣе углублялась и все болѣе обострялась его философская мысль. Все строже, осторожнѣе и болѣе критически онъ относился къ тому матеріалу, на которомъ покоились его выводы. Изъ его философскихъ концепцій отпадало то, что могло быть охвачено научнымъ мышленіемъ, и тѣмъ самымъ философская работа уходила въ проблемы, недоступныя знанію.

Его философскій интересъ, казалось, сосредоточивался въ областяхъ, самыхъ далекихъ отъ научной работы. Вопросы религіознаго гнозиса, обоснованій вѣры, мистическаго созерцанія неотступно захватывали его; къ нимъ онъ возвращался неуклонно въ теченіе всей своей дѣятельности. И можно сказать, что постепенно онъ подходилъ къ нимъ все ближе и ближе, по мѣрѣ того, какъ выяснились для него вопросы теоріи познанія, какъ онъ составлялъ себѣ сужденіе объ основахъ живыхъ и господствующихъ въ его время философскихъ построеній. Эти вопросы должны были увѣнчать его философскія созданія, если бы онъ когда-нибудь подошелъ къ связному и цѣлостному изложенію своей философской системы. Но его душѣ былъ чуждъ догматизмъ философа-систематика, и онъ касался отдѣльныхъ проблемъ, не сводя ихъ въ одно цѣлое.

Идеалистъ-философъ съ рѣзкой мистической основой своего міропониманія, въ то же время являлся крупнымъ ученымъ, владѣющимъ всѣмъ аппаратомъ ученаго XX в.—этимъ наслѣдіемъ многовѣковой работы ученыхъ поколѣній. Я живо помню, какъ онъ глубоко и ярко чувствовалъ эту вѣковую связь, когда онъ указывалъ на значеніе критики текста Завѣта, созданной строгой, критически-безпощадной, научной работой ученыхъ двухъ столѣтій и какъ онъ учился на этой работѣ историческому пониманію болѣе близкихъ ему областей исторіи мысли.

Какъ могъ *мистикъ* сознательно и энергично вести эту тяжелую научную работу, все углубляя ее и расширяя? Мистицизмъ кажется не только чуждымъ и враждебнымъ научному мышленію—онъ является на первый взглядъ разрушителемъ философскаго міропониманія. Ибо, казалось, для мистика исчезаютъ не только значеніе и закономѣрности научнаго міровоззрѣнія, но и разумность философскихъ

обобщеній. Глубокимъ сліяніемъ съ неизвѣстнымъ, уходомъ въ области духа, равно далекія и отъ научной работы и отъ философскаго разума, мистикъ подходитъ къ тѣмъ переживаніямъ человѣческой личности, которыя имѣютъ себѣ выраженіе въ религіозномъ творчествѣ и религіозномъ сознаніи. А между тѣмъ глубоко мистически настроенный Трубецкой былъ не только строгимъ ученымъ, онъ въ своемъ философскомъ идеализмѣ былъ строго критическимъ мыслителемъ. Смѣло и безбоязненно подходилъ онъ къ самымъ крайнимъ положеніямъ философскаго скепсиса и этимъ путемъ оживлялъ и очищалъ основы своего философскаго познанія.

Это соединеніе глубокаго мистицизма и проникнутой имъ вѣры, критическаго—почти скептическаго—идеализма и строгаго научнаго мышленія представляетъ ту удивительную загадку, какую даетъ жизнь этого замѣчательнаго русскаго мыслителя.

Вдумываясь и всматриваясь въ жизнь этого дорогого, еще недавно бывшаго здѣсь человѣка, невольно останавливаешься надъ этимъ вопросомъ и этой мыслью о его личности подымаешься къ глубокимъ проблемамъ человѣческаго существованія.

IV.

Въ этомъ облагораживающемъ и глубокомъ вліяніи, какое оказываетъ попытка *понять* его духовное бытіе — сказывается сила и красота его духовной личности.

Какимъ образомъ онъ совмѣщалъ, казалось, несовмѣстимое? Разгадкой служитъ *искренность* его жизни, цѣлостность его духовной личности.

Мистика является одной изъ самыхъ глубокихъ сторонъ человѣческой жизни. Если мы всмотримся въ жизнь мистиковъ, мы увидимъ, что они жертвуютъ для мистическихъ настроеній *всѣмъ*. И въ то же время, если мы прослѣдимъ исторію мистики, мы видимъ, какъ легко мистическій порывъ человѣческой души, выразившійся въ глубокой идеѣ, въ великомъ настроеніи или въ красивой интуиціи, покрывается наростомъ пустыхъ словъ, безсодержательныхъ символизацій, мелкихъ желаній и грубыхъ предразсудковъ, если только мистика всецѣло и безъ сопротивленія охватываетъ человѣка.

Какъ только мистическое настроеніе начинаетъ охватывать широкіе слои, какъ только оно начинаетъ непрерывно и доминирующе длиться года,—оно обволакивается образами и созданіями, по существу ему чуждыми, но которыми человѣкъ пытается дать хоть сколько-нибудь понятное, земное выраженіе неуловимому и невыражаемому словами или образами мистическому настроенію. За этими печальными созданіями неудачныхъ стремленій теряется глубокое содержаніе мистическаго настроенія и мистическаго міропониманія. Исторія мистики, главнымъ образомъ, вращается въ этой грубой корѣ, — корѣ разбитыхъ стремленій, — совершенно обволакивающей внутреннее содержаніе мистическихъ настроеній. Эти грубые символы и странные образы даютъ почву той игрѣ въ мистицизмъ и мистическое настроеніе, выраженіе которой мы видимъ въ современной литературѣ—русской и западно-европейской.

Для того, чтобы дойти до мистики, надо прорвать этотъ туманъ мистическихъ навожденій, надо подняться выше всей этой сложной, временами грубой, иногда изящной и красивой символики. Надо понять ея смыслъ и не даться въ руки ея засасывающему и опьяняющему вліянію.

Трубецкой стоялъ выше этой символики. Онъ переживалъ сліяніе съ Сущимъ, онъ исходилъ изъ мистическаго міропониманія. На немъ строилось его религіозное чувство. Но онъ не подчинялъ ему и его образамъ своей личности. Личность его оставалась свободной, она получала лишь опору въ мистицизмѣ и въ чувствѣ безконечнаго и въ сліяніи съ нимъ находила поразительную силу для своего проявленія въ жизни. Благодаря *цѣлостности* его личности, всѣ другія ея стороны получали на этомъ общемъ фонѣ необычное въ нашей окружающей жизни выраженіе. Онѣ ею не затемнялись и не погашались.

Онъ всегда оставался самимъ собой, всюду проявлялъ себя всего. Будучи мистикомъ, онъ въ философіи оказался критическимъ идеалистомъ, въ наукѣ строгимъ и точнымъ изслѣдователемъ, въ общественной жизни сознательнымъ дѣятелемъ. Философскимъ мышленіемъ и научной работой онъ замѣнилъ ненужныя ему символическія формы мистическихъ настроеній. Въ гармоніи ихъ — въ своей личности — онъ могъ убѣдиться, что несогласимыя противорѣчія между этими сторонами человѣческаго существа рождаются

лишь при подавленіи какой-нибудь одной его стороной другихъ ея проявленій.

Благодаря этому мы наблюдаемъ въ его жизни и въ философскомъ мышленіи живой примѣръ глубокой гармоніи обычно-раздѣленныхъ проявленій духовной жизни человѣка — мистическихъ элементовъ вѣры, философскаго мышленія и научной мысли. Его *личность* всюду вносила необходимый коррективъ и создавала своеобразную гармонію. Ея созданіе, его философская система, является одной изъ наиболѣе оригинальныхъ и глубокихъ проявленій свободнаго личнаго творчества. Этимъ она получаетъ чрезвычайно цѣлостное выраженіе. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя вносимыя Трубецкимъ въ свою философскую мысль поправки и оговорки кажутся неожиданными для людей, привыкшихъ къ логической послѣдовательности строго раціоналистическаго проявленія философскаго творчества. Они глубоко ирраціональны, ибо коренятся въ неподдающейся раціонализированію свободной личности.

Тѣсно слившись съ русской дѣйствительностью и отражая въ философской системѣ свою личность, Трубецкой былъ однимъ изъ первыхъ оригинальныхъ, чисто *русскихъ* философовъ.

Онъ явился благодаря этому новой, глубоко своеобразной фигурой въ исторіи русскаго культурнаго общества. Ибо самостоятельная систематическая философская мысль есть явленіе новое, только-что нарождающееся въ исторіи русской культуры. Въ то самое время, какъ въ искусствѣ и наукѣ русское общество давно уже явилось огромной всечеловѣческой культурной силой,—въ философіи его работа лишь начинается.

Культурная работа общества отнюдь не ограничивается готовыми созданіями творческихъ силъ его членовъ. Здѣсь не менѣе, можетъ быть болѣе важенъ — самый *процессъ* творчества, происходящій въ средѣ общества. Важно не то, чтобы тѣ или иныя системы, тѣ или иныя научныя изслѣдованія, тѣ или иныя произведенія искусства были созданы членами русскаго общества — важно, чтобы они вырабатывались въ его средѣ, чтобы они черпали свою силу, свое содержаніе, свои формы въ жизни этого общества, въ его быломъ, въ его надеждахъ будущаго, въ окружающей и чеканящей его природѣ и обстановкѣ. Только этимъ путемъ растетъ и подымается культурная сила общества.

Весь процессъ философскаго творчества Трубецкого прошелъ здѣсь въ Москвѣ, тѣсно связанъ съ жизнью Московскаго университета. Глубоко любящій Россію, переживающій все ея горе и всѣ ея радости, онъ былъ русскій всѣмъ своимъ существомъ, и это неизбѣжно отражалось на характерѣ его философскаго и научнаго творчества.

Поэтому вся жизнь кн. С. Н. Трубецкого — русскаго ученаго и русскаго философа, — являлась сама по себѣ глубокимъ культурнымъ *дѣломъ*, дѣломъ общественнымъ. Она не можетъ и не должна быть забыта русскимъ обществомъ. Ея слѣдъ прочно и непреодолимо заложенъ въ самой русской культурѣ и будетъ жить и развиваться вмѣстѣ съ ней.

Здѣсь живая, неумирающая память о С. Н. Трубецкомъ явится однимъ изъ отраженій того личнаго безсмертія, поразительно живая вѣра въ которое составляла такую чарующую черту его благородной личности.

Памяти академической дѣятельности кн. С. Н. Трубецкого.

Рѣчь проф. А. А. Мануилова.

Мнѣ хочется сказать вамъ нѣсколько словъ о дѣятельности кн. Сергѣя Николаевича на академическомъ поприщѣ. Эта дѣятельность мнѣ ближе всего извѣстна, и она ближе моему сердцу. Тотъ періодъ, который я имѣю въ виду, относится къ памятному 1905 году, когда перестраивалась русская жизнь и въ нашей профессорской средѣ сосредоточивалъ на себѣ вниманіе вопросъ о реформѣ университета на началахъ автономіи. Я живо вспоминаю С. Н. въ эту эпоху. Я помню его въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта и комиссій, въ частныхъ собраніяхъ и кружкахъ, въ которыхъ дебатировался жгучій вопросъ о возрожденіи университета. Я слышу его голосъ; его горячія рѣчи еще звучатъ въ моихъ ушахъ... Онъ дѣйствовалъ обаятельно своею искренностью и страстною любовью къ дѣлу университетской реформы, успѣхъ котораго онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій обновленія Россіи. На этомъ покоился его авторитетъ и значеніе въ академической средѣ. Въ этомъ тайна его вліянія и объясненіе той роли, которую онъ сыгралъ въ дѣлѣ преобразованія нашей университетской жизни.

На-дняхъ я перечиталъ извѣстную записку С. Н. по университетскому вопросу. Она произвела на меня еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ то время, когда я слышалъ ее изъ его устъ. Тогда я обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на содержаніе изложенныхъ въ ней положеній. Теперь на меня повѣяло отъ нея личностью ея автора, тѣмъ теплымъ чувствомъ, которымъ С. Н. согрѣлъ идею университетской автономіи, защищаемую въ запискѣ. Мысли, выраженныя въ ней, не новы: онѣ много разъ и подробно высказывались и развивались и въ печати и на собраніяхъ академическихъ дѣятелей. Но въ запискѣ С. Н. эти мысли облѣяны такою

любовью, выражены съ такой силою убѣжденія, что нельзя не проникнуться ими. С. Н. превратилъ энергію, развивавшуюся вокругъ него, въ полезную работу, напелъ для нея точку приложенія и двинулъ дѣло преобразованія русской высшей школы. Въ этомъ его историческая заслуга передъ университетомъ и передъ отечествомъ.

Но покойный кн. Трубецкой не былъ только теоретикомъ университетской автономіи. Когда наступило время проводить ее въ жизнь, онъ не остановился передъ практическимъ дѣломъ, вполнѣ сознавая его громадныя трудности. Онъ имѣлъ мужественную рѣшимость взяться за него и, сдѣлавшись ректоромъ, со всей страстностью своей натуры сталъ проводить принципы, отъ осуществленія которыхъ ожидалъ возрожденія школы. Эти принципы стали традиціей Московскаго университета. Убѣжденный защитникъ идеи, что университетъ долженъ служить только наукѣ, С. Н. не страшился открыто высказывать и проводить эту идею, которая въ то время далеко не была популярной. Мужество и прямота были его отличительными чертами. Онъ не боялся высказывать своихъ взглядовъ, какъ бы они ни расходились съ мнѣніями и настроеніемъ большинства. Онъ былъ въ этомъ отношеніи человѣкомъ исключительной силы. Этимъ свойствомъ С. Н. объясняется крупное значеніе его кратковременнаго ректорства: извѣстно, что онъ былъ ректоромъ всего 27 дней.

Мнѣ вспоминается послѣдняя поѣздка С. Н. въ Петербургъ. Она была связана съ дѣломъ устройства университета на новыхъ началахъ. Мы возлагали на нее большія надежды. Въ день отъѣзда С. Н. происходило засѣданіе правленія, послѣднее подъ его предсѣдательствомъ. Засѣданіе окончилось поздно, онъ спѣшилъ. Мы напутствовали его добрыми пожеланіями и простились съ нимъ. Мы не знали, что простились навсегда...

Кн. С. Н. Трубецкой, какъ религіозный мыслитель.

Рѣчь прив.-доц. С. Н. Булгакова.

Мм. гг.!

Позвольте мнѣ начать свое слово съ объясненія личнаго характера. Я мало зналъ покойнаго С. Н., но тѣмъ не менѣе долженъ засвидѣтельствовать, что не мало ему духовно обязанъ. Его звѣзда ярко свѣтила на моемъ духовномъ небосклонѣ, указуя путь, радуя, ободряя. Въ ту пору, когда я переживалъ ломку міровоззрѣнія, проходя свой длинный путь отъ марксизма къ христіанству, кн. Трубецкой, въ числѣ другихъ религіозныхъ мыслителей, являлся тою крѣпкою и мужественною опорой, которая такъ нужна человѣку, пробирающемуся чрезъ чащу современнаго невѣрія, или чаще всего религіознаго индиферентизма. Каждому времени, какъ Данте, нужна своя Беатриче, и въ разные моменты жизни иная. Въ пору этой ломки мнѣ и, конечно, многимъ, переживающимъ такой же процессъ, эта Беатриче воплощалась въ философіи, вооруженной всею силой и остротой современной мысли, но и окрыленной огненными надеждами религіи, и въ наукѣ, сохраняющей всю свою строгость, но вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствующей созиданію, а не духовному опустошенію. Въ С. Н. въ значительной степени совмѣщались эти черты, а полнота силъ, въ которой онъ находился, заставляла ожидать отъ него еще многаго, хотя бы столь нужнаго и важнаго продолженія изслѣдованія о Логосѣ. Если этимъ надеждамъ и чаяніямъ и не суждено было сбыться, то и въ выполненномъ уже имъ мы имѣемъ цѣнное наслѣдство, которое должно принять и усвоить русское общество.

Если задаться вопросомъ, каковъ былъ внутренній мотивъ, основной интересъ, двигавшій, иногда скрыто, иногда осязательно, его умственными работами, выражавшій собой духовное зерно его индивидуальности, ея первооснову, то придется отвѣтить, что инте-

ресъ этотъ былъ, конечно, не политическій и не научный, даже и не философскій, но религіозный. Строгій ученый и выдающійся философъ былъ прежде всего вѣрующимъ христіаниномъ, притомъ, какъ онъ выражался когда-то о себѣ, «христіаниномъ, увѣреннымъ въ своемъ православіи». Религіозная вѣра есть нѣчто абсолютно интимное, изъ глубины индивидуальности вырастающее и никакихъ доказательствъ не требующее, есть особое исповѣданіе сердца. Какъ и почему родится или не родится она въ той или иной душѣ—это невѣдомая для насъ тайна, тайна живой человѣческой личности, недоступная вообще дискурсивному знанію. «Духъ дышитъ гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ». Но тотъ, въ комъ совершилось это новое, духовное рожденіе, становится качественно инымъ, онъ не можетъ забыть о немъ, какъ не можетъ перестать быть самимъ собой во всемъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Это совсѣмъ не значитъ сдѣлаться тенденціознымъ или односторонним, исключительнымъ—напротивъ, можно вмѣстить и выразить въ себѣ все разнообразіе и полноту жизни, но, помимо всякаго вѣдома и преднамѣреннаго желанія, духовная индивидуальность на все наложитъ свою печать. Въ кн. С. Н. жива эта подлинная, свыше рождающаяся вѣра; ея выраженія, то цѣломудренно-сдержанныя, то исповѣднически-рѣшительныя, разсыпаны по всѣмъ его сочиненіямъ, иногда въ чрезвычайно сильной формѣ. «Всякій знаетъ,—читаемъ мы въ произведеніи, относящемся къ 1900 году,—что христіане вѣруютъ въ Отца, Сына и Св. Духа, въ искупленіе Христа, въ Его воскресеніе и вѣчную жизнь. Всякій знаетъ тѣ отвлеченныя формулы, въ которыхъ христіанская догматика выражаетъ эти истины. Съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ, какъ можно дѣлать эти истины предметомъ опыта. И однако, такъ или иначе, каждый слушающій или читающій евангеліе дѣлаетъ такой опытъ. Разсматривая жизнь Христа, Его личность, Его слово, находимъ ли мы въ Немъ Бога, видимъ ли мы въ Немъ Отца, или нѣтъ? Это вопросъ, и притомъ основной вопросъ, *религіознаго опыта*, въ связи съ которымъ рѣшается все остальное. Если въ Христѣ мы видимъ Бога, то это Божество уже не есть въ нашихъ глазахъ отвлеченная идея, а живой, нравственный образъ; если мы видимъ въ Немъ Бога, то мы видимъ въ Немъ свой судъ—судъ и обличеніе всего міра, и вмѣстѣ—свѣтъ міра, спасеніе міра, искупленіе,

жизнь, — словомъ, въ Немъ вѣрующій понимаетъ все то, что составляетъ предметъ христіанскаго ученія, какъ живую истину вѣры» *). На послѣдней страницѣ изслѣдованія о Логосѣ мы читаемъ: «Логосъ греческой философіи былъ лишь умозрительной гипотезой, предметомъ умозрѣнія. Евангельскій Логосъ опредѣляется, какъ начало дѣйствительной жизни, составляющее предметъ опыта и религіозной оцѣнки, осязаемое въ своей дѣйствительности... Ученіе о Христѣ раскрывается въ Апостольской церкви не какъ результатъ умозрительныхъ гаданій или предположеній о Немъ, а какъ результатъ *религіозной оцѣнки* Его слова и дѣла и результатъ пережитаго нравственнаго опыта. Іисусъ былъ признанъ подлиннымъ Сыномъ Божіимъ и Его Богосознаніе—подлиннымъ Богосознаніемъ... Отсюда вытекаетъ и вся Христологія апостольской церкви, завершающаяся ученіемъ о Логосѣ**)».

И въ историческомъ развитіи и въ индивидуальности жизни С. Н. утверждаетъ автономію и извѣстную суверенность религіи, какъ основывающейся на внутреннемъ опытѣ, на подлинномъ переживаніи и зрѣніи Божественнаго, безъ котораго нѣтъ религіи и нельзя научить ей, при наличности же котораго доказательствъ не требуется, какъ для всякихъ непосредственныхъ, опытныхъ переживаній. Здѣсь профессоръ и ректоръ Московскаго университета присоединяется къ многочисленному лику церковныхъ свидѣтелей, единогласно подтверждающихъ, что религіозная истина не есть отвлеченная истина философіи или науки, которой можно научиться умомъ, — но плодъ всей жизни, направляемой извѣстнымъ путемъ. Евангельская Истина говоритъ о Себѣ: «Я путь, истина и жизнь».

Признаніе автономіи религіи, основанной на вѣрѣ въ подлинности переживаемаго въ ней откровенія Божества, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея отношеніе къ дѣятельности чисто-человѣческихъ силъ, выражающейся въ наукѣ и философіи, гдѣ человѣчеству предоставлено итти своимъ путемъ коллективнаго преемственнаго опыта и мысли. То, что познается и раскрывается естественными силами, и должно быть ими познано и раскрываемо. Наука и философія въ этомъ смыслѣ есть не только фактъ, но и долженствованіе, которое обязано исполнить человѣчество, по силѣ полученныхъ имъ даровъ.

*) Собраніе сочиненій кн. С. Н. Трубецкого, т. I, 450.

**) Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, стр. 457—8.

Однако то успокоеніе, примиреніе и особое знаніе, которое дается вѣрою, располагаютъ иногда къ пренебреженію или недовѣрію къ этимъ естественнымъ силамъ человѣка. Является маловѣрное и малодушное опасеніе, что философія и наука нарушатъ покой вѣры, подкопаютъ ее. Слѣдствіемъ этого является свѣтобоязнь, которая характеризуетъ цѣлыя историческія эпохи. Эта свѣтобоязнь есть свидѣтельство внутренней слабости и робости, которое не достойно религіи и не помогаетъ, а вредитъ ея дѣлу.

Конечно, нельзя забывать и даже невозможно забыть, что наука находится въ состояніи непрерывнаго развитія и измѣненія, и нельзя опираться только на нее для полученія отвѣтовъ на вопросы абсолютнаго характера и значенія; приданіе наукѣ этихъ несвойственныхъ ей полномочій есть тоже одно изъ заблужденій нашего времени, — но, твердо вѣря въ религіозную истину, нельзя вообще допустить, чтобы наука въ полной своей зрѣлости освобожденная отъ поспѣшныхъ и ошибочныхъ заключеній, могла впасть съ нею въ дѣйствительное, а не мнимое противорѣчіе, а кромѣ того—для каждаго даннаго момента необходимо считаться и по возможности отсчитываться съ наукой, что возможно лишь на почвѣ самой же науки съ ея методами, а для этого прежде всего надо признать свободу и автономію научнаго изслѣдованія. Именно такія чувства и воодушевляли С. Н. по отношенію къ наукѣ: какъ научный талантъ, онъ слишкомъ живо чувствовалъ цѣнность науки, но и не смущался предъ нею своею вѣрующею душой. Полемизируя съ о. Буткевичемъ, онъ говоритъ, между прочимъ: «Твердо убѣжденный, что откровеніе никогда не можетъ перестать быть откровеніемъ, я не боюсь исторіи и не поворачиваюсь къ ней спиной... Напрасно думаемъ мы оградить христіанство, выдѣляя его изъ исторіи, мы можемъ такимъ путемъ только соблазнить тѣхъ, которые обратятся къ фактамъ и увидятъ, что оно есть средоточіе исторіи. Христіанство живетъ и дѣйствуетъ на землѣ, оно выросло на землѣ изъ сѣмени горчичнаго; оно росло и будетъ развиваться, доколѣ не прійдетъ въ полноту возраста Христова.

Оно, слѣдовательно, имѣетъ исторію въ человѣчествѣ, и горе тому богослову, который захочетъ отрицать или умалять *человѣчество* въ этой исторіи до какой-то призрачной дѣйствительности! И стыдъ тому историку, который въ области религіи уклонится отъ

своей прямой, высокой задачи — понять человѣческую дѣйствительность въ ея прошломъ. Такой историкъ измѣнитъ наукѣ и не послужитъ вѣрѣ, ибо ей можно служить только въ правдѣ» *).

«Наука много и долго боролась противъ суевѣрія и посторонихъ посягательствъ, прежде чѣмъ отвоевать себѣ совершенную независимость, въ которой она видитъ непремѣнное условіе своего достойнаго существованія и развитія. Этою независимостью она не поступится никогда, и если отдѣльные умы будутъ измышлять всевозможные компромиссы между наукой и религіей, то для науки такіе компромиссы пройдутъ совершенно безслѣдно. Никакой добросовѣстный ученый, уважающій науку, никогда не согласится на подобную сдѣлку между наукой и религіей, равно недостойную обѣихъ». «Задача ученаго состоитъ не въ томъ, чтобы считаться съ мнѣніями, а съ фактами и доказательствами.

Отвергая какія-либо ученія, онъ руководствуется научнымъ интересомъ, научнымъ изслѣдованіемъ, а такому изслѣдованію, прежде всего, мѣшаютъ предвзятыя тенденціи, хотя бы и самыя благонамѣренныя. Мы должны разъ навсегда оставить науку быть наукой» **). И С. Н. исполнялъ это требованіе въ своей собственной дѣятельности. Онъ былъ ученымъ изслѣдователемъ въ силу естественнаго влеченія, вкусъ къ чисто-научному, историческому изслѣдованію за послѣдніе годы, повидимому, становился у него все сильнѣе и, кажется, все болѣе оттѣснялъ или стѣснялъ творчество чисто-философское. С. Н. соединялъ въ себѣ исключительно счастливые дары для научнаго изслѣдованія въ области исторіи религіи и философіи. Владѣя въ полнотѣ научнымъ методомъ, онъ, кромѣ того, обладалъ совершенно исключительною конгеніальностью предметамъ этого своего научнаго изслѣдованія. Въ исторіи религіи, которою онъ много занимался послѣдніе годы, его привлекало изученіе естественнаго откровенія, естественнаго богосознанія, человѣческой стороны религіи, пренебреженіе которой онъ не только порицалъ, но и считалъ ересью докетизма. Въ исторіи философіи онъ, вслѣдъ за Глессе, давшимъ глубочайшую концепцію исторіи философіи, искалъ отраженія всеединой истины, имѣющагося во всякой истинѣ философской системы, при всей ея односторонности и временныхъ особенно-

*) Собр. соч., I, 172—3.

**) Ibid., 447—8.

стихъ *). Излюбленною областью его изученія здѣсь оставалась греческая философія, къ которой относятся и объ его диссертаціи и университетскіе курсы.

То особое вниманіе, которое онъ оказывалъ именно греческой философіи, помимо личнаго вкуса, объясняется и тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ ей какъ въ исторіи развитія философской мысли вообще, такъ и въ особенности въ исторической подготовкѣ христіанства въ позднѣйшемъ догматическомъ его развитіи. Греческая философія была для него областью «царствованія Отчаго Слова до Его вочеловѣченія», выявленія въ человѣческомъ умѣ Логоса, какъ умозрительнаго начала.

Вслѣдъ за Климентомъ Александрійскимъ онъ считалъ греческую философію дѣтоводительницей къ христіанству.

Наконецъ, научный интересъ этотъ, естественно, всего сильнѣе проявился въ области исторіи ветхозавѣтной христіанской религіи.

Половина изслѣдованія о Логосѣ имѣетъ историко-богословскій характеръ и представляетъ въ этомъ качествѣ совершенно исключительный интересъ. Положеніе, въ которое становится просвѣщенный христіанинъ нашего времени въ отношеніи къ колоссальнымъ успѣхамъ и открытіямъ, сдѣланнымъ въ теченіе XIX вѣка германской наукой, весьма затруднительно: приходится балансировать между Сциллой раціонализма и Харибдой антинаучнаго обскурантизма. Нельзя не принять цѣлаго ряда данныхъ изслѣдованія исторической науки, которой по справедливости можетъ гордиться германскій геній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя раздѣлить конфессіональныхъ или же философскихъ мнѣній и даже предразсудковъ, при помощи которыхъ эти историки освѣщаютъ и осмысливаютъ выводы своего изслѣдованія. Факты и мнѣнія нерѣдко насильственно связываются между собою. Нельзя не удивляться и не преклоняться предъ исторической ученостью проф. Гарнака, но нельзя и не видѣть, что его собственныя богословскія мнѣнія плодъ не исторической науки, а философской доктрины и протестантскаго пониманія церкви. Для православнаго богослова и историка, какимъ былъ С. Н., здѣсь открывается трудная, но и благородная задача,—принять всѣ данныя

*) Ср. Введеніе къ Исторіи древней философіи (напечатано раньше въ „Проблемахъ идеализма).

дѣйствительно научнаго изслѣдованія, охраняя полную свободу и независимость науки, и продолжать это научное изслѣдованіе, не дѣлая уступокъ специфическимъ богословскимъ мнѣніямъ западныхъ изслѣдователей. Въ нашихъ богословскихъ кругахъ часто наблюдается или игнорированіе, закрываніе глазъ передъ исторической, наукой, или же рабское капитулированіе предъ всѣми, даже и чисто-конфессіональными мнѣніями протестантскихъ ученыхъ.

С. Н. въ работѣ о Логосѣ далъ примѣръ иного рода изслѣдованія.

Свою научную программу въ замѣткѣ, посвященной памяти прот. Иванцова-Платонова, онъ выразилъ такъ: отмѣчая ограниченность и односторонность концепцій христіанства, выработанныхъ западной наукой и окрашенныхъ въ конфессіональные цвѣта, онъ говоритъ: «Но въ такомъ случаѣ какое же право или основаніе имѣетъ православный историкъ принимать ту или иную изъ этихъ концепцій безъ достаточной критики? Если онъ, подобно Иванцову, вѣритъ въ будущее православной науки и ждетъ отъ нея историческаго синтеза, свободнаго отъ недостатковъ и неполноты другихъ концепцій, онъ долженъ прежде всего стремиться къ критической ихъ провѣркѣ .. Во всякомъ случаѣ, всякія положительныя построенія будутъ поспѣшны и преждевременны, пока почва для нихъ не будетъ подготовлена строго-научной критикой» *).

Выполненіе этой исторической задачи должно составить работу ряда поколѣній, — но можно сказать, что однимъ изъ первыхъ въ новѣйшее время вступилъ на эту дорогу С. Н. въ изслѣдованіи о Логосѣ, и ни одинъ изъ продолжателей этого дѣла, какъ бы онъ ни отнесся къ частнымъ его научнымъ мнѣніямъ, не пройдетъ мимо этого изслѣдованія. Характеризуя это послѣднее, нужно отмѣтить не только то, въ чемъ оно имѣетъ сходство, стоитъ на уровнѣ нѣмецкой науки, но и въ чемъ оно отличается отъ обычныхъ историко-догматическихъ изслѣдованій и ихъ превосходитъ. Оно отличается широтой научнаго замысла и идейнаго синтеза. Подобнаго размаха изслѣдованій немного найдется и въ европейской наукѣ. Философъ и историкъ, чувствующій себя дома и въ греческой метафизикѣ и въ исторіи догмы, имѣетъ возможность, конечно, понять

*) Собр. соч., т. I, 238—9.

и освѣтить вопросъ шире и глубже, нежели детальный спеціалистъ, изучающій монографически отдѣльный вопросъ.

До сихъ поръ мы характеризовали С. Н., какъ богослова и историка. Но онъ былъ еще при этомъ и философомъ. Обычно научный и философскій даръ взаимно отталкиваются другъ отъ друга Изощренное разсматриваніе подробностей на близкомъ разстояніи развиваетъ близорукость, а орлиная дальнозоркость философа не содѣйствуетъ различенію предметовъ близкихъ и мелкихъ. И эту собственную ограниченность каждая сторона нерѣдко возводитъ въ принципъ. С. Н. ни научное изслѣдованіе, ни то успокоеніе, которое даетъ религіозная вѣра, не отвлекли отъ стремленія къ философскому синтезу. Онъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ, Соловьевымъ, Лопатинымъ и немногими другими русскими мыслителями къ насадителямъ метафизики на русской почвѣ, которые защищали ее самымъ дѣломъ, т.-е. самостоятельными въ этомъ направленіи труда. Здѣсь нѣтъ возможности характеризовать его систему «конкретнаго идеализма», составляющую совершенно самостоятельную разработку мотивовъ философіи положительнаго всеединства Вл. Соловьева. Приходится пройти молчаніемъ и его замѣчательную синтетическую теорію познанія, въ которой находятъ примиреніе и оправданіе, и эмпиризмъ, и раціонализмъ и мистицизмъ, и его этическія воззрѣнія, гдѣ настойчиво подчеркивается связь этики съ метафизикой и религіей и религіозный характеръ этическихъ нормъ (ср. статью «Этика и догматика»). Его философскія построенія представляютъ попытку отвѣтить языкомъ философскаго изслѣдованія на вопросы сознанія религіознаго, вопросы о Сущемъ его отношеніи къ нимъ. Философія, конечно, не есть служанка богословія, въ томъ смыслѣ, что она не можетъ быть рабой какой-нибудь школьной догматической системы, застывшей отвлеченности, но она перестаетъ быть философіей, если отказывается отъ философствованія, т.-е. размышленія о послѣднихъ и вѣчныхъ проблемахъ бытія. Въ современномъ положеніи философіи, усложнившейся и обогатившейся многочисленными детальными проблемами и изслѣдованіями нерѣдко приходится наблюдать уклоненіе и нѣкоторое равнодушіе къ главному и общему ради второстепеннаго и частнаго. Если въ извѣстной степени это объясняется необходимостью спеціализаціи, неизбѣжной для всякаго научнаго изслѣдованія, то, съ другой стороны,

это находится въ связи съ разочарованіемъ и упадкомъ, а быть-можетъ и нѣкоторымъ философскимъ равнодушіемъ. Въ такое время упадка возвращать философію самымъ дѣломъ къ ея подлинной области, сосредоточивать размышленіе около центральныхъ ея проблемъ—есть дѣло философскаго мужества и достойная задача для философскаго таланта, и ему служилъ С. Н. въ особенности въ первую, болѣе раннюю эпоху своей жизни.

До сихъ поръ я говорилъ о томъ, чему вѣрилъ и училъ, о чемъ мыслилъ отъ насъ ушедшій. Дѣла эти и мысли могутъ подвергаться различной оцѣнкѣ и толкованію, измѣняющимся по мѣрѣ того, какъ измѣняется лицо исторіи, науки, мысли, т.-е. съ каждымъ днемъ, мѣсяцемъ, годомъ. Но остается еще вѣдь и самъ вѣрящій, мыслящій, волящій, субъектъ, творческая индивидуальность, живая тайна человѣческой личности. Каждая личность, какова бы она ни была, имѣетъ въ себѣ нѣчто свое, новое, оригинальное, неповторяемое въ исторіи. Кн. С. Н. жилъ, чувствовалъ эту живую тайну личности, на которой онъ и основывалъ, между прочимъ, философскую вѣру въ безсмертіе души (въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу). «Строго говоря,—читаемъ мы у него въ изслѣдованіи о Логосѣ,—ни одна человѣческая личность не есть всецѣло продуктъ историческаго процесса: каждая имѣетъ свой геній, свою индивидуальность, каждая реагируетъ на тѣ вліянія, которымъ подвергается,—иначе она бы ихъ не испытывала». И эта живая человѣческая личность, въ своихъ переживаніяхъ, въ своемъ реальномъ опытѣ вмѣщающая и совмѣщающая то, что обычно почитается несовмѣстимымъ, есть неустранимый историческій фактъ, неопровержимый фактическій аргументъ. Можно отвлеченно доказывать, что религія не мѣшаетъ наукѣ, а метафизика не враждуетъ строгому знанію,—но такъ ли это въ дѣйствительности, не сдѣлано ли здѣсь логическаго или психологическаго просчета? И далѣе: религія утверждаетъ автономную вѣру, а наука требуетъ свободы изслѣдованія, предполагающей отсутствіе какихъ бы то ни было предпосылокъ, а метафизика идетъ еще своимъ особымъ путемъ. Вмѣстимо ли это все въ одну человѣческую душу, не окажется ли это соединеніемъ холода и огня, воды и пламени? И еще: религія питается дѣтскою, сердечною вѣрой, наука должна быть невѣрующей и сухой, а метафизика рвется вверхъ отъ этой земли, къ которой при-

вязываетъ ее наука. Опять спрашивается, совмѣстимы ли эти дѣятельности духа, не исключаются ли онѣ взаимно? На всѣ эти вопросы, сомнѣнія, опасенія мало отвѣта отвлеченнаго, теоретическаго,— нужна и опытная провѣрка, послѣ которой возможно отвѣтить такъ, какъ Филиппъ сомнѣвающемуся Наѳанаилу: «прійди и виждь». Тутъ, конечно, не имѣетъ значенія количество такихъ случаевъ: достаточно одного-двухъ для того, чтобы показать вообще возможность. И такіе живые аргументы, свидѣтельствующіе, что не всегда разумъ и наука или общественно-политическій интересъ должны убивать и изсушать религіозную личность, въ новое время мы имѣемъ въ лицѣ двухъ друзей, Вл. Соловьева и кн. С. Трубецкого. Можно, конечно, не раздѣлять мнѣній или низко оцѣнивать философскіе труды послѣдняго, или подвергать сомнѣнію цѣнность его научныхъ изслѣдованій, но нельзя устранить значенія того живого индивидуальнаго синтеза, который мы имѣемъ въ личности его. И на разстояніи этотъ немеркнущій свѣтъ индивидуальности становится сильнѣе, духовные контуры выступаютъ рельефнѣе, черты индивидуальности отчетливѣе.

Я приглашаю, я прошу молодое Общество, назвавшее себя именемъ кн. С. Н. Трубецкого, пристальнѣе вглядѣться въ эти черты и извлечь изъ нихъ надлежащее себѣ поученіе. Сегодня будутъ много и справедливо чествовать общественно-политическія заслуги покойнаго, естественно выдвигающіяся здѣсь на первый планъ. Этой стороной личность кн. С. Н. наиболѣе доступна и понятна нашему студенчеству, ибо оно всегда живо отзывается на общественно-политическіе вопросы и интересъ къ нимъ является въ его средѣ господствующимъ. Но невольно возникаетъ опасеніе, что за этой внѣшней, периферической оболочкой останутся не разсмотрѣны достаточно черты внутренняго человѣка, за оцѣнкой дѣятельности позабудется самъ дѣятель, и не услышанъ будетъ молчаливый и задушевный зовъ, обращенный имъ къ русскому студенчеству. Онъ призываетъ не оставаться внѣ себя, не довольствоваться одною внѣшнею жизнью съ ея чередованіемъ и смѣной, но войти и внутрь себя и оріентироваться тамъ. И этотъ призывъ особенно внятенъ теперь, при духовномъ кризисѣ, переживаемомъ русскимъ обществомъ и прежде всего студенчествомъ, когда потребность са-

моанализа, провѣрки своего пути, религіозно-философскаго самоуглубленія сказывается все настоятельнѣе.

Не пройдите же мимо подлиннаго, цѣльнаго, духовнаго образа своего ректора, не просмотрите въ немъ того, что было въ немъ самымъ центральнымъ, своеобразнымъ и потому поучительнымъ. Онъ болѣлъ тѣми болями гражданина, которыми болѣете вы и болѣетъ русское общество, онъ напряженно жилъ тою научною жизнью, которою живутъ интеллигентнѣйшіе люди нашего времени, онъ вполнѣ могъ назваться современнымъ европейцемъ, сыномъ своего вѣка и исторіи,—но при всемъ этомъ и прежде всего этого онъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ, не стыдящимся и не скрывающимъ своей вѣры. Имъ онъ оставался, насколько могъ, вездѣ и во всемъ: въ научной работѣ и университетской аудиторіи, въ кабинетѣ и на политической аренѣ, въ студенческомъ обществѣ и петергофскомъ дворцѣ, свободный отъ многообразнаго идолопоклонства нашего времени, не перегибаясь ни направо, ни налѣво, прислушиваясь къ голосу христіанской совѣсти. На эту внутреннюю, для многихъ незримую, но самую существенную сторону его духовнаго облика особенно хочется указать на сегодняшнемъ чествованіи памяти С. Н. Все, что онъ ни дѣлалъ на научномъ, философскомъ, политическомъ, академическомъ поприщѣ, — все это разнообразіе внѣшнихъ дѣлъ, разсматриваемое изнутри, является только разными формами выраженія одного дѣла, одного стремленія, одной задачи, — есть его религіозный подвигъ, его христіанское служеніе!

Кн. С. Н. Трубецкой.

Рѣчь прив.-доц. Н. В. Давыдова.

Горячо и съ благодарнымъ чувствомъ привѣтствую я молодое студенческое общество памяти кн. С. Н. Трубецкого.

Уже когда—мѣсяца три тому назадъ — инициаторы этого благого дѣла сообщили мнѣ о ихъ намѣреніи создать въ средѣ московской университетской молодежи общество, имѣющее своею задачей единеніе на почвѣ научной дѣятельности, и посвятить это общество памяти С. Н. Трубецкого, мнѣ стало ясно, что московское студенчество въ лицѣ основателей общества избрало лучшій способъ увѣковѣченія памяти покойнаго С. Н., способъ, предуказанный имъ самимъ.

Основаніемъ такого общества студенчество воздвигаетъ нерукотворенный, но наиболѣе достойный памятникъ почившему.

Памятникъ живой, лучше высѣченной на камнѣ надписи говорящій о томъ, кто былъ князь Трубецкой, свидѣтельствующій, что учащаяся молодежь оцѣнила дѣятельность его, постигла значеніе ея и пошла туда, куда онъ ее звалъ.

Какъ только мысли мои перенесутся, хотя на краткое время, въ прошлое, въ памяти моей возстаетъ, какъ живой, дорогой обликъ С. Н., столь обаятельный, свѣтлый, полный истиннаго благородства и нравственной красоты. Духовная личность С. Н. была не только многогранной, но казалась необъятной. Она реагировала на все прекрасное, истинное, не замыкаясь въ какой либо одной области.

Выдающійся ученый и глубокій мыслитель, проводившій большую часть своего времени за книгами и творческой научной работой, С. Н. ушелъ, однако, полностью въ эту особенно близкую ему сферу, онъ не отвернулся отъ жизни, отъ людей, его идеально чистое сердце не потеряло потребности въ жизни, не отвлеченной любви къ людямъ; напротивъ, эта дѣятельная любовь какъ бы развивалась въ немъ съ годами все больше и больше. Казалось, ду-

ховными очами онъ видѣлъ и проникалъ въ самой сути во все совершавшееся вокругъ него и оцѣнивалъ по достоинству даже то, что инымъ на его мѣстѣ, могло казаться ничтожнымъ, мелкимъ. Поэзія, музыка, живопись, скульптура, театръ, красота — въ чемъ бы она ни проявлялась, если только она была не мишурной,—все это было близко С. Н., волновало его и находило отзвукъ въ его душѣ. Послѣ упорной тяжелой работы, онъ умѣлъ перейти, не нарушая своего душевнаго равновѣсія къ веселой бесѣдѣ среди друзей, оживляя ее присущимъ ему блестящимъ юморомъ, увлекая всѣхъ своею искренностью, убѣжденностью и талантливостью. У близкихъ ему лицъ хранятся на ряду съ его такими произведеніями, какъ «Логосъ», шуточные разсказы, юмористическія стихотворенія, выдающіеся по талантливости.

Вспоминая о безконечно дорогомъ и близкомъ мнѣ С. Н., мнѣ хотѣлось бы оживить обликъ его въ памяти людей, его знавшихъ, начертать его духовный силуэтъ для тѣхъ, кто съ нимъ не встрѣчался. Но задача эта, едва ли посильная и вообще одному лицу, неисполнима для меня, особливо теперь, уже въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, не давшихъ мнѣ достаточнаго досуга и возможности достаточно глубоко сосредоточиться на воспоминаніи о С. Н.

Но, откладывая до недалекаго — какъ надѣюсь—будущаго попытку дать очеркъ духовной личности нашего друга, я позволю себѣ теперь же сказать нѣсколько словъ объ одной изъ сторонъ ея, близко мнѣ извѣстной. Это — любовь его къ молодежи. Это чувство было въ С. Н. необыкновенно сильно и побуждало его къ ряду дѣйствій, далеко не всегда легкихъ, на пользу молодежи. Любовь эта не была простымъ инстинктивнымъ чувствомъ, она связывалась съ его любовью въ наукѣ, ко всему тому, что истинно цѣнно къ жизни, съ вѣрой въ прогрессъ, съ неудержимымъ стремленіемъ къ нему. Въ молодежи—той молодежи, съ которой С. Н. имѣлъ дѣло—онъ видѣлъ наиболѣе воспріимчивую для добраго сѣмени почву, тотъ сосудъ, въ которомъ наилучше можетъ сохраниться и усовершенствоваться драгоцѣнная влага, которой довлѣетъ со временемъ утолить мучающую человѣчество духовную жажду. Въ молодежи онъ цѣнилъ присущую ей отъ природы душевную чистоту, энергію, способность стремиться къ идеалу, способность забыть временно о себѣ для достиженія отвлеченнаго блага. Всѣ

эти чувства С. Н. любовно, бережно, умѣлой рукой лелѣялъ и развивалъ въ окружающей его университетской молодежи, указывая ей тотъ путь, которымъ достижимо совершенствованіе, нравственный ростъ, достижима истинная культурность,—путь, временами тяжелый, но вѣрный,—научный. На это поприще дѣятельности С. Н. звалъ и велъ съ собой молодежь и съ профессорской каѳедры, и въ интимной бесѣдѣ въ своемъ кабинетѣ глубокаго ученаго, хорошо памятномъ многимъ изъ его учениковъ, и въ большихъ студенческихъ собраніяхъ основаннаго имъ и вмѣстѣ съ нимъ безвременно погибшаго Историко-филологическаго общества.

Голосъ С. Н. умолкъ, но призывъ его къ молодежи не остался вотще. Свидѣтельствомъ тому сегодняшнее наше собраніе. Я знаю, какое глубокое чувство радости вызвало бы въ немъ открытіе нашего ученаго студ. общества, не одного его, а также и другихъ, недавно образовавшихся въ этихъ стѣнахъ. Я помню, какъ волновался С. Н., когда состоялось первое публичное (для студентовъ и профессоровъ) собраніе И.-ф. общества, какъ онъ торжествовалъ, когда оно прошло блистательно, ставъ событіемъ академической жизни того времени. Радостью, скажу больше — счастіемъ сіяло умное, одухотворенное лицо его, когда ученики его выступали на этомъ собраніи и на послѣдующихъ съ научными рефератами, когда на секціонныхъ собраніяхъ общества завязывался горячій научный споръ, поднимались интересныя пренія, когда онъ убѣждался, что зарождается на родной ему почвѣ академической науки органическая связь и близость между преподавателями и студентами.

Несомнѣнно, однимъ изъ счастливыхъ періодовъ жизни его были тѣ 5 недѣль, въ теченіе которыхъ совершалась давно имъ задуманная и съ громадной затратой силъ и энергіи организованная студенческая экскурсія съ просвѣтительною цѣлью въ Грецію. Въ ней участвовало около 150 лицъ—студенты и нѣсколько профессоровъ и приватъ-доцентовъ во главѣ съ С. Н.—и для всѣхъ безъ исключенія участниковъ этого чуднаго путешествія оно было и осталось навсегда въ памяти свѣтлымъ, культурнымъ праздникомъ.

Радостное настроеніе не покидало С. Н. во все время экскурсіи, и это настроеніе, при обаятельности его личности, передалось и поддерживалось во всѣхъ насъ, экскурсантахъ. Помню, какъ въ тихій и теплый лѣтній вечеръ—было это 29 іюля 1903 года—мы

выѣхали изъ Москвы на Одессу въ отведенныхъ намъ четырехъ вагонахъ М.-К. ж. д. Какъ радовало С. Н. охватившее съ самаго начала все юное общество, повышенное настроеніе, умѣніе сорганизоваться, поразительный тактъ, искренній, горячій интересъ къ научнымъ вопросамъ, къ античной красотѣ, къ красотѣ южной природы, проявлявшіеся во время путешествія съ молодежью. И какъ самъ онъ увлекался этими красотами, какъ онъ цѣнилъ все, что намъ давали Акрополь, Дельфы, Олимпія, Коринѳъ!.. И молодежь оцѣнила и труды, и заботы о ней, и эту радость за нее С. Н.; я увѣренъ, что нѣтъ ни одного участника аѳинской экскурсіи, который бы не хранилъ въ благодарномъ сердцѣ образъ столь простого, доступнаго, а въ то же врема столь высоко духовно стоявшаго друга своего.

Конечно, многимъ молодымъ людямъ, оставившимъ уже университетскія скамьи, памятны вліяніе, которое С. Н. имѣлъ на студенческую молодежь, его выдающаяся обаятельность. Она проявлялась на иныхъ изъ общихъ собраній И.-ф. общества въ то время, когда политическія теченія и страсти коснулись и академической жизни и неудержимая потребность молодежи въ протестѣ, въ борьбѣ, въ лицѣ отдѣльныхъ представителей ея, проявилась даже въ нападкахъ — впрочемъ никогда не злобныхъ — на дѣятельность бюро общества, во главѣ котораго стоялъ С. Н. Онъ выступалъ съ рѣчью, съ увѣщаніемъ, и нападки эти падали сами собой и нападавшіе въ числѣ другихъ бурно привѣтствовали С. Н. и аплодировали его словамъ: такъ они всегда были искренни, убѣдительны и будили въ сердцахъ молодыхъ слушателей и оппонентовъ лишь благородныя чувства.

О возникновеніи созданнаго С. Н. И.-ф. общества, о судьбахъ его, о послѣдовавшемъ замираніи его и наиболѣе дѣятельныхъ участникахъ его изъ молодежи, окружавшей дружной группой С. Н., о томъ, какъ отражались на немъ перипетіи, переживавшіяся обществомъ, я позволю себѣ когда-нибудь передать подробно — въ качествѣ очевидца—обществу въ память С. Н., а пока пожелаю ему, чтобы память эта, и на короткое даже время не покидала его членовъ и служила неизмѣнно свѣточемъ и руководителемъ его дѣятельности.

Значеніе кн. С. Н. Трубецкого для русскаго общества.

Рѣчь проф. В. М. Хвостова.

Я не буду долго утомлять Вашего вниманія. Моя рѣчь будетъ, впрочемъ, краткой не потому, чтобы мнѣ нечего было прибавить къ сказанному предшествующими ораторами. Какъ ни хорошо, какъ ни разносторонне охарактеризовали они покойнаго князя С. Н. Трубецкого, но это была личность, столь богатая внутреннимъ содержаніемъ, что далеко не все еще сказано о ней. Я не остановлюсь на характеристикѣ нашего умершаго товарища только потому, что слишкомъ недавно, въ изданной на-дняхъ книгѣ моей («Этюды по современной этикѣ»), которую я посвятилъ памяти князя Трубецкого, мнѣ уже пришлось охарактеризовать въ общихъ чертахъ то, что мнѣ представляется наиболѣе цѣннымъ въ этой благородной личности. Тамъ я подчеркнулъ необычайную правдивость этой натуры, всецѣло проникнутой высоко-нравственными принципами, опирающимися на глубокую религіозную вѣру, отмѣтилъ постоянно-любовное отношеніе къ людямъ вообще и къ своему народу въ частности, свойственное князю Трубецкому, указалъ на отличавшее его мужество въ высказываніи и проведеніи въ жизнь своихъ идей, на необыкновенно гармоническое сочетаніе знанія, вѣры и истинно-поэтическаго подъема въ литературныхъ произведеніяхъ и устныхъ рѣчахъ покойнаго профессора и на нѣкоторыя другія его черты. Я не буду повторять здѣсь того, что мною высказано печатно, и остановлюсь только на событіи дня, на открытіи студенческаго Общества имени князя Трубецкого, которое мы теперь привѣтствуемъ.

Въ предисловіи къ названной книгѣ своей, помѣченномъ январемъ текущаго года, я выражалъ надежду, что память о князѣ С. Н. Трубецкомъ не заглохнетъ въ русскомъ обществѣ. Я указывалъ, что князь Трубецкой является несомнѣннымъ народнымъ ге-

роемъ и напоминалъ одну изъ глубокихъ мыслей Карлейля, что великій народъ всегда почитаетъ своихъ героевъ. Я не подозрѣвалъ тогда, что въ то самое время, когда я писалъ это предисловіе, уже формировалось студенческое общество имени князя Трубецкого и что мнѣ такъ скоро придется участвовать въ публичномъ торжествѣ, посвященномъ его памяти. Тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ принялъ я любезное приглашеніе организаторовъ общества сказать нѣсколько словъ въ настоящемъ собраніи.

Возникновеніе студенческаго общества памяти кн. С. Н. Трубецкого составляетъ весьма отрадное явленіе. Прежде всего въ этомъ проявляется тотъ фактъ, что Московское студенчество не забыло покойнаго профессора и чтитъ его память. На это князь Трубецкой далъ полныя основанія.

Мало профессоровъ, которые бы такъ искренно любили студентовъ и такъ много удѣляли бы силъ и времени на ихъ нужды. Князь Трубецкой, будучи профессоромъ, въ сущности никогда не переставалъ быть и студентомъ; такъ близко къ сердцу принималъ онъ интересы учащейся молодежи и такъ молодъ духомъ оставался онъ. На своемъ примѣрѣ онъ наглядно показывалъ, что Университетъ есть большая академическая семья, гдѣ всѣ мы учимся, всѣ мы являемся студентами въ буквальномъ смыслѣ этого слова, гдѣ старшіе и младшіе члены могутъ достигнуть полнаго объединенія на почвѣ служенія наукѣ и культурѣ. Естественно, что и студенчество платитъ ему той же любовью, которую онъ всегда словомъ и дѣломъ проявлялъ относительно студенчества. — Далѣе, отраднымъ является и то, что Московское студенчество увѣковѣчиваетъ память покойнаго академическаго дѣятеля основаніемъ общества его имени, преслѣдующаго культурно-просвѣтительныя задачи. Князь С. Н. Трубецкой хорошо понималъ, что только на почвѣ развитой общественности можемъ мы перейти къ обновленной государственной жизни. Вотъ почему онъ такъ заботился о развитіи общественныхъ организацій и среди студенчества. Но общественность, такъже какъ и политическая дѣятельность, въ его глазахъ имѣли значеніе только средствъ для болѣе высокой цѣли: для дружнаго содѣйствія соединенными силами культурно-нравственному прогрессу. Этой высшей цѣли онъ не упускалъ никогда изъ вида и въ этомъ направленіи старался повести дѣятельность того историко-философскаго студен-

ческаго общества, котораго самъ былъ предсѣдателемъ. Поэтому наилучшій памятникъ, который могли московскіе студенты воздвигнуть покойному своему учителю и товарищу, состоитъ именно въ возрожденіи подобной же студенческой организаціи. Общество, основанное покойнымъ княземъ Трубецкимъ, вынуждено было дѣйствовать среди весьма неблагопріятныхъ условій и вскорѣ должно было прекратиться, такъ какъ наступившая бурная эпоха русской жизни оказалась совершенно неудобной для продолженія его работъ. Однако мы видимъ, что прекращеніе дѣятельности общества было только временнымъ перерывомъ и оно теперь возраждается; возраждается, къ глубокой нашей скорби, уже не на глазахъ его первоначальнаго учредителя князя С. Н. Трубецкого.

Пожелаемъ же вновь возникающему обществу прочнаго успѣха и укрѣпленія въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета. Да послужитъ оно на благо пробуждающейся къ новой жизни культурной Россіи. Содѣйствуя свободному общенію студентовъ на почвѣ общенаучныхъ интересовъ, внѣ традиціонныхъ рамокъ раздѣленія на факультеты, общество можетъ сыграть видную роль въ подготовленіи будущихъ научныхъ и общественныхъ дѣятелей Россіи, вступающей въ новую фазу своего культурнаго развитія.

Общественная дѣятельность кн. С. Н. Трубецкого.

Рѣчь студ. Е. А. Ефимовскаго.

Я не скрою отъ васъ, господа, того невѣроятнаго волненія, съ которымъ я приближаюсь къ ораторской каѳедрѣ: чувство тяжелой отвѣтственности за каждое слово, сказанное сегодня съ этого мѣста, переплетается съ сознаніемъ рѣдкаго счастія отъ возможности здѣсь, въ этомъ торжественномъ собраніи громко привѣтствовать славную память князя Сергѣя Николаевича Трубецкого. Говорить объ его общественной дѣятельности—это значитъ забыть обычные лозунги и программы, отойти отъ партійныхъ распрей и споровъ и обратиться къ тѣмъ невѣдомымъ, но прекраснымъ тайникамъ человѣческой души, гдѣ загораются лучшія мечты, гдѣ возникаютъ самые свѣтлые соціальные идеалы. Учитель безсмертія, философъ, князь Трубецкой былъ и учителемъ жизни—всѣ силы своей творческой души отдалъ онъ на устроеніе царства правды на землѣ. Пламенно преданный свободѣ, онъ понималъ ее не иначе, какъ состояніе углубленной культуры; въ разумномъ человѣческомъ словѣ видѣлъ онъ единственное средство для ея достиженія. Вотъ почему весь первый періодъ жизни князя Трубецкого прошелъ въ тиши его научнаго кабинета въ отысканіи академической истины или же въ проповѣди ея съ высоты научной каѳедры. И можетъ быть никогда онъ не вышелъ бы на улицу, если бы не грозныя событія, разыгравшіяся надъ родной страной. Началась безумная японская война, а съ ней тяжелыя пораженія русскаго оружія. Горячій патріотъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, князь Трубецкой болѣлъ неудачами нашей арміи, но въ то же время ясно сознавалъ, что прекратится онѣ могутъ только при полномъ переустройствѣ государственнаго уклада. Въ это самое время его братъ, кіевскій профессоръ, въ горячей статьѣ убѣждалъ русское общество въ неразрывной связи бюрократическаго строя и пораженій на дальнемъ

востокѣ. Московскія Вѣдомости въ бранной статьѣ требовали смѣщенія кіевскаго профессора. Въ защиту брата выступилъ къ нимъ съ открытымъ письмомъ въ редакцію Русскихъ Вѣдомостей князь Сергѣй Трубецкой и въ немъ излилъ всю силу своего негодованія. «Всѣ эти безумныя вещи», писалъ онъ въ этомъ историческомъ письмѣ, «говорятся въ такое серіозное отвѣтственное время. Опомнитесь, господа, довольно! встаньте! Судъ идетъ!» Слова князя Трубецкого услышанныя и подхваченныя всей мыслящей Россіей, не были однако услышаны тѣми, кто никогда никого не хотѣлъ слушать и ничего не могъ понять. Война продолжалась. Судъ пришелъ: грозный мечъ исторической Немезиды нанесъ на востокѣ новые карающіе удары, да во всей странѣ занялся междоусобный пожаръ Медлить стало нельзя — Россія была въ опасности погибнуть отъ упорства приверженцевъ стараго порядка. Всѣ, кто могъ, должны были встать для защиты отечества. Все это побудило Сергѣя Николаевича оторваться на время отъ академической дѣятельности и выйти на арену политической борьбы. Съ тѣхъ поръ всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, въ печати,— раздавалась его горячая рѣчь о необходимости переустройства Россіи. Простота и искренность, всегда бывшія отличительными чертами его рѣчей и удивительно привлекательная личность сразу выдвинули его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ общественныхъ дѣятелей; лѣтомъ 1905 года на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей ему поручено было повѣдать предъ лицомъ тогда еще Неограниченнаго Самодержца о томъ страданіи, которымъ была полна русская земля. Впервые въ стѣнахъ петергофскаго дворца раздались такія простыя и правдивыя слова: «Вы—царь», говорилъ князь Трубецкой, обращаясь къ монарху, «не крестьянъ, не дворянъ и не купцовъ; Вы—царь всея Россіи. Въ Россіи не должно быть безправныхъ и обездоленныхъ. Власть исполнительная должна быть подчинена силѣ закона». Въ этихъ словахъ было не только встрѣча земской и приказной Россіи, тутъ было нѣчто большее: здѣсь навсегда опредѣлены были истинный путь для развитія новой Россіи. Князь Трубецкой вошелъ въ петергофскій дворецъ посломъ земской и городской Россіи, онъ вышелъ оттуда національнымъ вождемъ. Всѣ читали его статьи, прислушивались къ его словамъ, слѣдили за каждымъ его шагомъ. Избраніе князя Трубецкого первымъ

ректоромъ старѣйшаго русскаго университета было праздникомъ всей мыслящей Россіи;—со всѣхъ сторонъ неслись привѣтствія и телеграммы. Никогда еще свобода и культура не сближались такъ другъ съ другомъ: такъ символически сочетались онѣ въ одномъ лицѣ—въ рукѣ національнаго вождя было знямя русскаго просвѣщенія.

Тогда казалось, что въ немъ и чрезъ него старая Россія можетъ безболѣзнено перейти въ новыя правовыя формы. Но въ то время, какъ все болѣе крѣпла вѣра въ князя Трубецкого, роковой недугъ подтачивалъ его послѣднія силы. Въ концѣ сентября уѣхалъ онъ въ холодный Петербургъ бороться за свободу собраній, и тамъ его не стало. Смерть князя Трубецкого была тяжелымъ ударомъ для дѣла русской свободы и тяжкой національной утратой. Когда его смертный прахъ привезли въ Москву,—вся нація пришла отдать послѣдній долгъ своему вождю: у гроба его сошлись всѣ партіи, всѣ оттѣнки. Въ лентахъ похоронныхъ вѣнковъ можно было различить всѣ оттѣнки политической радуги; среди красныхъ республиканскихъ гвоздикъ рѣзко выдѣлялись снѣжно-бѣлыя царственныя орхидеи. Жизнь ко многому обязываетъ великихъ людей, она зоветъ ихъ часто къ смерти; смерть великихъ людей обязываетъ ихъ потомковъ. И всѣ кто шелъ за гробомъ князя Трубецкого уходили оттуда не иначе, какъ въ твердой рѣшимости продолжить до конца начатое имъ дѣло. Съ тѣхъ поръ прошло почти три года, но жизнь заставила испытать больше, чѣмъ въ иныя три столѣтія: разбита первая народная любовь, опрокинуты смѣлые реформаторскіе планы, обмануты самыя розовыя надежды. Но еще сильна вѣра въ лучшее будущее, какъ крѣпка любовь къ дѣятелямъ прошлаго. И сегодня, собравшись въ священныхъ стѣнахъ старѣйшаго русскаго унтверситета, мы подъ портретомъ князя Трубецкого чествуемъ его память. И скорбно смотритъ на насъ его проникновенное лицо при видѣ зла и безправія, насъ окружающаго. И какъ бы символически указуетъ онъ все на тѣ же два пути, о которыхъ онъ писалъ въ одной изъ своихъ статей: одинъ это путь «жандармократіи», выражаясь его словами, другой—путь права и справедливости. Первой проторенной дорогой приведетъ насъ во всѣхъ измучившую позорную трясину, второй ведетъ къ царству правды на землѣ. Пусть же образъ князя Трубецкого и память о немъ побудятъ насъ со всей

энергіей пойти по второму пути; но пойти съ вѣрою въ человѣческое достойнство и въ великое назначеніе нашего страдающаго народа. Путь этотъ труденъ и требуетъ усилій и борьбы; тучи заволакиваютъ его; но тамъ вдали уже виднѣется свѣтъ; это свѣтъ лучезарнаго солнца свободы, это заря занимающагося дня справедливости; въ немъ залогъ конечнаго торжества неумирающей правды.

Памяти кн. С. Н. Трубецкого.

Рѣчь прив.-доц. С. А. Котляревскаго.

Есть эпохи въ жизни народовъ, когда всѣ противорѣчія какъ-то особенно болѣзненно обостряются, когда образуется дисгармонія между самыми глубокими потребностями человѣческаго духа, между религіознымъ исканіемъ непреходящихъ, вѣчныхъ цѣнностей и испытующей аналитической мыслью, между идеаломъ, обаятельнымъ въ своей привлекающей красотѣ, и дѣйствительностью, грубой и печальной. Такія противорѣчія имѣютъ свой великій смыслъ въ экономіи человѣческой жизни: они будятъ мысль и двигаютъ волю, они залогъ человѣческаго прогресса. Но такую возвышенную миссію они могутъ осуществлять лишь въ томъ случаѣ, если не утрачена вѣра, что они допускаютъ высшее примиреніе. Великое значеніе имѣютъ люди, въ которыхъ осуществляется это примиреніе всюду, а въ Россіи особенно, въ Россіи, гдѣ всѣ эти контрасты между реальнымъ и идеальнымъ переживаются съ такою исключительною болѣзненностью. Великое значеніе для русскаго общества имѣлъ въ этомъ смыслѣ кн. С. Н. Трубецкой. Въ настоящую минуту я не ставлю своей задачей конструировать его міросозерцаніе; я хотѣлъ бы напомнить нѣкоторыя черты его личности, которыя остаются столь неизгладимыми въ памяти всѣхъ, имѣвшихъ счастье личнаго съ нимъ общенія.

Когда студентъ перваго курса переступалъ порогъ университета и попадалъ на лекціи кн. С. Н. Трубецкого по греческой философіи,—что находилъ онъ на нихъ? Передъ нимъ раскрывалась глава изъ исторіи человѣческой мысли — одна изъ самыхъ важныхъ интересныхъ главъ, — но раскрывалось и нѣчто большее. Передъ его взоромъ наивный миѳологическій образъ давалъ толчокъ къ первымъ философскимъ исканіямъ; проходили художественные образы Гераклита и Демокрита, софистовъ и Сократа, Платона и

Аристотели—и у слушателя постепенно укрѣплялось сознаніе, что что здѣсь дается нѣкоторое откровеніе мірового разума, что здѣсь подымаются вопросы, которые являются самыми жизненными и для современнаго человѣчества. И это откровеніе говорило, конечно, не только уму: я никогда не забуду лекціи, посвященной Федону, въ которой Сергѣй Николаевичъ смогъ поднять аудиторію до переживанія истиннаго пафоса: это была уже не лекція, это былъ истинный гимнъ безсмертію...

Но такой подъемъ философскаго одушевленія создавался на почвѣ глубокой и тщательной эрудиціи, на почвѣ изслѣдовательской работы, стоящей вполнѣ на уровнѣ современной науки; эту сторону преподаванія Сергѣя Николаевича можно было еще лучше оцѣнить на практическихъ засѣданіяхъ. Здѣсь выступаетъ и тонкая чисто-филологическая работа надъ текстомъ — Сергѣй Николаевичъ былъ истиннымъ филологомъ-гуманистомъ — и широкое культурно-историческое истолкованіе той обстановки, въ которой развивалась греческая мысль. Извѣстно, съ какимъ живымъ интересомъ относился онъ къ исторіи греческой культуры вообще; однимъ изъ лучшихъ памятниковъ этого интереса являются его блестящіе этюды, посвященные новѣйшимъ археологическимъ раскопкамъ на островѣ Критѣ.

Еще въ большей мѣрѣ все это сказывалось въ работахъ Сергѣя Николаевича, связанныхъ съ исторіей религіозной мысли. Мнѣ нечего прибавить къ яркой и глубокой характеристикѣ его общаго религіознаго міросозерцанія, которую далъ С. Н. Булгаковъ; я желалъ бы лишь отмѣтить, насколько и здѣсь этотъ религіозный идеализмъ совмѣщался съ трезвымъ научнымъ реализмомъ, который особенно сказывался тамъ, гдѣ изслѣдовалась связь христіанства съ Ветхимъ Завѣтомъ и съ греческою философіей. Такое гармоническое сочетаніе идеализма и реализма мы встрѣчаемъ и въ самой крупной работѣ кн. С. Н. Трубецкого о Логосѣ.

Вѣроятно, эта черта, въ связи съ удивительною нравственною чуткостью и сердечною любовностью, объясняла ту благородную терпимость, съ которой онъ относился къ направленіямъ мысли, ему, въ общемъ, антипатичнымъ. Я напомнилъ бы вамъ страницу изъ «Метафизики въ древней Греціи, посвященную матеріализму Демокрита, гдѣ авторъ предостерегаетъ отъ вульгарныхъ нападокъ

на представителей научнаго матеріализма, какъ ученія, разрушающаго нравственность.

Отъ философіи и религіи былъ естественный переходъ къ наукѣ; отъ философіи, религіи, науки — къ жизни. Утвержденіе Добра должно совершиться не только на высотахъ, подымающихся надъ нашей бѣдной, страждущей землей; оно должно совершиться здѣсь, среди насъ. Признаніе философско-научныхъ цѣнностей требовало созданія жизненныхъ условій, въ которыхъ они могли бы развиваться; требовало созданія правильнаго академическаго строя: во имя ихъ прежде всего отстаивалъ Сергѣй Николаевичъ и университетскую автономію, для которой онъ такъ много сдѣлалъ, и такую постановку средней школы, которая была бы одинаково далека отъ старой казенщины и формы, и отъ новаго легковѣснаго дилетантизма скороспѣлыхъ реформаторовъ. Во имя цѣнности человѣческаго слова, къ которому стремился вѣчный разумъ и къ которому С. Н. относился съ любовью истиннаго филолога,—онъ отстаивалъ свободу его въ устномъ и печатномъ видѣ. Во имя святости религіозныхъ началъ онъ пламенно защищалъ свободу совѣсти, ибо онъ чувствовалъ всю кощунственность приспособленія религіознаго насилія, особенно какъ оно обыкновенно примѣняется для политическихъ или полицейскихъ цѣлей. Эта свобода совѣсти, къ которой призывалъ ученикъ и другъ В. С. Соловьева, не имѣла психологически ничего общаго съ тою нѣсколько презрительною терпимостью, которая основана на мысли о безполезности и безвредности религіозныхъ переживаній. Наконецъ, признаніе культурныхъ цѣнностей и нравственныхъ обязанностей привело С. Н. къ его политической программѣ, центральное мѣсто въ которой занималъ чистый, свободный отъ славянофильскихъ примѣсей, конституціонализмъ.

Многіе, не знавшіе близко С. Н., не понимали, почему именно онъ, представитель отвлеченной мысли, перешелъ къ публицистикѣ и политической борьбѣ и сдѣлался представителемъ національныхъ стремленій пробуждающейся Россіи. Они не понимали, какая глубокая неразрывная связь соединяла эти разнородныя стремленія духа. Именно она позволяла С. Н. подняться надъ второстепенными партійными различіями и объединить вокругъ себя людей разнаго темперамента, разнаго міросозерцанія, разнаго даже убѣжденія.

Такова была его публицистика; такова была его роль на объединенномъ майскомъ съѣздѣ, созванномъ послѣ Цусимы; таковой была и его рѣчь, произнесенная передъ лицомъ русскаго Монарха, рѣчь, въ которой собраны были воедино стремленія, разсѣянныя по лицу земли русской. И она остается его политическимъ завѣщаніемъ, возвышающимъ и предостерегающимъ. Вы всѣ помните ея основную мысль: «нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ». Горе тому времени, которое забываетъ объ этой великой истинѣ политической мудрости и политической совѣсти.

Но замѣчательно, насколько и здѣсь, рядомъ съ этимъ идеализмомъ, у С. Н. былъ, какъ я бы сказалъ, здравый смыслъ. Онъ понималъ всю безнадежность политическаго максимализма, который требуетъ всего и не достигаетъ ничего, — онъ понималъ всю жизненную необходимость компромисса. Съ этой стороны, С. Н. былъ гораздо болѣе реальный политикъ, чѣмъ многіе, приписывающіе себѣ монополію подобнаго реализма. Отсюда и отсутствіе всякой ложной идеализаціи, наивнаго оптимизма по отношенію къ ближайшему будущему. С. Н. хорошо понималъ, какія препятствія, вытекающія изъ всей жизни прошлаго, и изъ психологіи русскаго общества, и изъ отношеній между образованными классами и народными массами лежатъ на пути немедленнаго созданія устойчиваго режима права и свободы. Но онъ точно такъ же хорошо понималъ, что эти препятствія—временныя: Россія черезъ нихъ перейдетъ.

Объединила его жизнь, объединила его и смерть, которая такъ живо стоитъ у всѣхъ насъ въ памяти — столь прекрасная, столь трогательная... Объединяетъ и насъ здѣсь его память. И эта память останется не только драгоцѣннымъ достояніемъ тѣхъ, кто зналъ С. Н. лично,—она останется какъ призывъ къ русской молодежи и всему русскому обществу—сохранить и неизмѣнный идеализмъ въ своихъ цѣляхъ и бодрую трезвость въ ихъ осуществленіи: то и другое равно необходимо для всякаго, кто хочетъ вносить въ жизнь свѣтъ, разумъ, человѣчность.

Кн. С. Н. Трубецкой въ его отношеніи къ университетской наукѣ.

Рѣчь проф. П. И. Новгородцева.

Когда я вспоминаю о покойномъ кн. С. Н. Трубецкомъ, въ памяти моей нерѣдко звучитъ, какъ живая, одна изъ его послѣднихъ рѣчей. Мнѣ вспоминается вечеръ два съ половиною года тому назадъ, когда въ совѣтѣ московскаго университета мы избрали С. Н. въ ректоры. Всѣ мы въ тотъ памятный вечеръ переживали свѣтлое, радостное, но вмѣстѣ и тревожное настроеніе. Мы чувствовали, что среди насъ рождается новая жизнь, что въ наши руки отдано великое дѣло, но мы испытывали также и тревогу за будущее. А онъ, нашъ новый ректоръ, самъ глубоко взволнованный и глубоко волнуя насъ чарующею силой своего слова, говорилъ: «Чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ. Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онѣ успокоились... Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь»...

И вотъ, мнѣ кажется, ожиданія этой рѣчи теперь начинаютъ сбываться. Вы, наша молодежь пришли почтить сюда того, кто былъ носителемъ свѣтлаго начала въ университетѣ. Ваше молодое общество самымъ именемъ своимъ говоритъ о томъ, какимъ оно хочетъ быть: учреждаемое въ память кн. С. Н. Трубецкого, оно, очевидно, хочетъ быть вѣрнымъ его духу, хочетъ сплотиться подъ знаменемъ университета и дать въ своей дѣятельности широкое признаніе тѣмъ вѣчнымъ началамъ и непреходящимъ цѣнностямъ, которымъ, по воззрѣнію кн. С. Н. Трубецкого, долженъ служить университетъ. Вѣчныя начала, непреходящія цѣнности — въ наше время торопливыхъ и быстро смѣняющихся вкусовъ — это звучитъ какъ призывъ

изъ другого міра. Тѣмъ съ большею горячностью мы, стоящіе на стражѣ вѣчныхъ цѣнностей университета, привѣтствуемъ ваши почины и желаемъ ему успѣха.

Я знаю, что ваше начинаніе, именно потому, что вы объединились подъ знаменемъ университета, можетъ вызвать противъ васъ упрекъ въ индиферентизмѣ. Такой именно упрекъ въ свое время постоянно слышался противъ студенческаго общества, во главѣ котораго стоялъ кн. С. Н. Трубецкой. Но если бы такіе упреки раздались снова, вамъ достаточно лишь вспомнить слова покойнаго профессора, которыми онъ въ свое время отражалъ нападки на свое общество: «Университетъ не былъ и не будетъ никогда школою общественнаго индиферентизма, а наше общество тѣмъ паче. Если бы я это думалъ, я первый ушелъ бы. Я желаю каждому изъ васъ выйти изъ университета во всеоружіи знанія, желаю каждому изъ васъ вынести изъ университета святую любовь, святую ненависть, святую ненависть и по отношенію къ тому, что тормозитъ развитіе русской жизни»...

Эти слова покойнаго профессора говорятъ много. Но еще болѣе говорятъ его дѣла, свидѣтельствующія о томъ, какъ далекъ былъ онъ самъ отъ общественнаго индиферентизма. И если въ памяти нашей съ такою яркостью выступаетъ его свѣтлый образъ, то, между прочимъ, и потому, что онъ умѣлъ органически сочетать жажду познанія съ потребностью дѣйствія. Возносясь мыслью на самыя отвлеченныя высоты философіи, пребывая здѣсь какъ въ родной стихіи, онъ въ то же время былъ человѣкомъ дѣла, я сказалъ бы, даже человѣкомъ практическимъ, въ глубочайшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему я скажу, что С. Н. Трубецкой былъ живымъ оправданіемъ и блестящею апологіей университетской науки и науки вообще. Когда намъ будутъ говорить теперь, что университетская наука отвлекаетъ отъ жизни, что философская мысль отучаетъ отъ дѣйствія, мы съ гордостью укажемъ на него, какъ на наше знамя, и скажемъ: вотъ человѣкъ науки, который въ ней находилъ опору для дѣйствія, у котораго слово становилось дѣломъ и мысль фактомъ. И, что особенно важно, связь эта была не случайная, а фактическая. Его дѣятельность, съ особыми присущими ей свойствами, объясняется именно его научнымъ и философскимъ міросозерцаніемъ; отсюда она проникалась тѣмъ

особеннымъ духомъ прозорливости, который не можетъ быть данъ практическимъ опытомъ, который дается только глубиной теоретической мысли. Каждый, кто зналъ кн. Сергѣя Николаевича, замѣчалъ, конечно, въ его оцѣнкѣ событій и планахъ дѣйствій нѣчто особенное и ему въ особенности присущее: онъ не поддавался временному впечатлѣнію событій, не терялся среди оглушающаго шума ихъ, а всегда смотрѣлъ впередъ, созерцая все съ высоты своей вѣры и своего знанія. И потому нерѣдко случалось, что въ запутанные вопросы, въ безнадежно затягивающіяся дѣла онъ бросалъ яркій лучъ свѣта, послѣ котораго все казалось инымъ и открывался выходъ изъ положенія.

Вы слышали сегодня, какова была вѣра С. Н. Трубецкого и какъ сочеталась она у него съ научной школой и логической выдержкой. Я прибавлю, съ своей стороны, что именно въ этомъ сочетаніи я вижу глубокое и знаменательное поученіе. Еще и теперь встрѣчаются примѣры наивнаго и запоздалаго вольтеріанства, утверждающаго, будто бы наука покончила навсегда съ религіозной вѣрой, какъ она покончила съ метафизической философіей. И здѣсь снова на примѣрѣ С. Н. Трубецкого мы находимъ жизненное и конкретное опроверженіе этого взгляда. Кто рѣшится утверждать, что онъ не былъ ученымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова? И, однако, онъ соединялъ глубину учености съ пламенемъ чистой вѣры.

И здѣсь, въ этомъ объединяющемъ синтезѣ, въ этой примиряющей гармоніи, тайна его личности и его обаятельнаго вліянія на всѣхъ. И вѣра и знаніе не всегда охватываютъ человѣка сполна, не всегда горятъ огнемъ и свѣтятъ яркимъ свѣтомъ. А въ немъ вѣра и знаніе превращались въ огонь и свѣтъ и создавали ту удовлетворительную жизненность духа, которая проявлялась и тогда, когда тѣло его уже угасало.

Въ одной изъ статей Сергѣя Николаевича я нашелъ цитату изъ одного моднаго писателя, изображающую состояніе современнаго интеллигентскаго ума: «Я открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли я не нашелъ въ себѣ. Въ душѣ моей много ненависти, она постоянно тлѣетъ тамъ... иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнѣва;

но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой они такъ потрясаютъ умъ, такъ давятъ сердце, что долгое время я существую внутренно опустошенный... Ничто не возбуждаетъ меня къ жизни, сердце мое холодно, какъ мертвое, умъ спитъ, а воображеніе давятъ кошмары». На этотъ моральный анархизмъ и умственную разладицу, на жалобы, что въ «старыхъ рамкахъ» тѣсно жить, Сергѣй Николаевичъ отвѣчаетъ: «Окрылите душу высшею цѣлью — и она сама улетитъ изъ «старыхъ рамокъ»; дайте ей вѣру—и она поведетъ васъ по волнамъ моря».

На этомъ «вѣщемъ словѣ» покойнаго профессора, котораго вы избрали вашимъ учителемъ, позвольте мнѣ кончить. Я пожелаю и вашему молодому обществу, чтобы оно воспитало въ своихъ членахъ сознаніе «высшей цѣли» и твердой вѣры, которая потомъ поведетъ ихъ по волнамъ моря.

Кн. С. Н. Трубецкой, какъ философъ и учитель.

Рѣчь Б. А. Фохта.

Мнѣ кажется, что я не ошибусь, если буду исходить изъ положенія, что какъ ни важна и плодотворна по своей оригинальности, широтѣ интересовъ, силѣ убѣжденія и вліянія была дѣятельность кн. С. Н. Трубецкого, какъ преподавателя философіи,—его главное значеніе, даже какъ профессора, заключалось не въ этомъ, не въ философіи, какъ спеціальномъ предметѣ изученія, а въ томъ, что философія научаетъ понимать, чѣмъ она заставляетъ насъ дорожить, какъ самой верховной, такъ сказать абсолютной цѣнностью. Эта цѣнность—культура духа въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова а средство ее порождающее и поддерживающее, орудіе ея созданія—*разумъ*, какъ онъ проявляется въ наукѣ безъ различія спеціальностей, какъ принципъ истиннаго просвѣщенія и черезъ это истинной свободы во всѣхъ ея формахъ,—свободы академической, политической, соціальной, свободы человѣка и человѣчества.

Какъ философъ русскаго просвѣщенія, какъ учитель гуманности встаетъ въ нашей памяти и продолжаетъ жить въ нашемъ сознаніи образъ покойнаго профессора и перваго ректора нашего новаго университета, ставшаго одновременно и провозвѣстникомъ все еще недостигнутой новой жизни будущей Россіи.

Да, онъ былъ учителемъ, но его ученіе не было только профессурой и каѳедра его стояла выше всѣхъ университетскихъ каѳедръ, она была обращена къ молодому русскому обществу, нарождающемуся въ его юныхъ представителяхъ, ищущихъ свѣта и знанія, чести, свободы, достоинства человѣка и славы націи.

«Безъ разума, безъ твердой вѣры въ его силы и идеалы нѣтъ знанія, нѣтъ науки, безъ науки нѣтъ культуры, безъ культуры нѣтъ свободы, безъ свободы нѣтъ достойной человѣка нравственной жизни и права, нѣтъ самаго закона и даже внѣшняго порядка». Таково

было основное руководящее убѣжденіе С. Н., имъ самимъ не разъ высказанное и всѣмъ извѣстное.

Примѣняя получившій распространеніе философскій терминъ, можно сказать, что онъ былъ «учителемъ въ идеалѣ» (Der Lehrer im Ideal), долго бывшій сперва его вѣрнымъ ученикомъ.

Непреклоннымъ, многолѣтнимъ трудомъ усвоилъ онъ, какъ немногіе въ тиши своего кабинета, изъ наблюденій надъ европейской жизнью и изъ общенія съ знаменитыми учеными Россіи и Запада блага истинной культуры нашего времени и сталъ ихъ поборникомъ для вѣка русскаго просвѣщенія и свободы.

Этимъ опредѣляется его значеніе, его вліяніе на все молодое и доброе, довѣріе къ нему даже самыхъ суровыхъ скептиковъ, живое дѣло и широта замысловъ его преподавательской дѣятельности въ стѣнахъ университета, его пониманія задачъ философіи и пользы ея изученія.

Отдать отчетъ о правахъ человѣческой мысли, войти «въ разумъ истины» должна стремиться философія. Не въ услуженіе къ отдѣльнымъ наукамъ, какъ бы точны онѣ ни были, должна пойти она, — ея задача, ея долгъ въ томъ, чтобы критически изслѣдовать самыя начала научнаго знанія. Не единство знаній, никогда не достижимое, а единство принциповъ и методовъ преслѣдуетъ философія, она ищетъ установить ихъ, чтобы оріентировать человѣка въ его собственномъ научномъ познаніи, сдѣлать плодотворными всѣ его спеціальныя изслѣдованія, сконцентрировать его вниманіе, дать ему возможность идти «широкой дорогой научнаго знанія, всегда готоваго дать отчетъ (λόγον διδόναι) о каждомъ своемъ пріобрѣтеніи.

Отсюда объясняется нелюбовь, даже враждебность С. Н. ко всякаго рода философскому эклектизму, къ попыткамъ опредѣлить задачи философіи въ смыслѣ логическаго объединенія уже готовыхъ результатовъ различныхъ отраслей научнаго знанія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ представителей современной философіи въ родѣ Вундта, Паульсена, Кюльпе и др. Въ этихъ попыткахъ онъ видѣлъ умаленіе значенія философіи, какъ науки, долженствующей и могущей стать во главѣ руководительства культурной жизнью человѣчества.

Также отрицательно относился онъ и къ тенденціи поставить философію въ зависимость отъ психологіи и результатовъ ея спе-

ціальнаго анализа: въ этой тенденціи онъ видѣлъ уже не только умаленіе значенія, но даже полное упраздненіе самой философіи, неизбѣжное при поставленіи ея въ зависимость отъ одной изъ наукъ о природѣ, каковой онъ считалъ и психологію.—Само естествознаніе, въ частности и психологія, держится на извѣстныхъ мысленныхъ принятіяхъ, нѣкоторыхъ основоположеніяхъ разума, которыя понять и оправдать и составляетъ задачу философіи. Поэтому ничего не можетъ быть превратнѣе, какъ какую-либо отдѣльную науку, будь то сама психологія, предпосылать философіи. Изслѣдовать принципы и значитъ «входить въ разумъ истины»; это основное убѣжденіе С. Н. раздѣлялъ съ своимъ учителемъ и другомъ Вл. Сер. Соловьевымъ, оба они съ критической философіей Фихте и Канта, Кантъ съ Ньютономъ и Лейбницемъ, Декартомъ и Галилеемъ, всѣ они съ Платономъ, и этотъ съ Сократомъ и Демокритомъ, Сократъ же съ своимъ учителемъ — старымъ Парменидомъ, первымъ философомъ-идеалистомъ, постигшемъ значеніе чистой мысли для обоснованія истиннаго познанія.

Есть, поэтому, и съ давнихъ поръ прогрессивно развивается нѣкая наука объ элементахъ или принципахъ, истинная или, какъ выражался С. Н. уже въ первой своей диссертаціи, «элементарная метафизика», изучать которую, притомъ изучать исторически во всеоружіи филологическаго метода, долженъ всякій, кто хочетъ имѣть хотя малѣйшее представленіе о философіи, какъ наукѣ.

Это глубоко продуманное убѣжденіе уже рано привело и самого С. Н. къ рѣшенію сдѣлать предметомъ своего спеціальнаго изученія и преподаванія Исторію философіи, и въ этой обширной области сосредоточить свои силы прежде всего на занятіяхъ древней философіи, лучше и всего вѣрнѣе способной, по его мнѣнію, подготовить философствующій умъ къ усвоенію основныхъ началъ знанія и бытія, помочь сознательному и критическому усвоенію отвлеченнѣйшихъ и труднѣйшихъ дисциплинъ—теоріи познанія и этики, какъ они развились и выработались въ новое время въ философіи Канта и нѣмецкаго идеализма 19 вѣка.

Какъ преподаватель, С. Н. требовалъ, поэтому, отъ своихъ учениковъ прежде всего основательнаго изученія исторіи античной мысли, и въ систематическомъ отношеніи всегда совѣтовалъ главное вниманіе обращать на изученіе Платона и Канта, чтобы затѣмъ уже

постепенно и, такъ сказать во второй линіи, переходить къ усвоенію твореній Аристотеля, Спинозы и послѣкантовскаго нѣмецкаго идеализма Шеллинга и Гегеля. Родство Платона съ Кантомъ въ вопросѣ объ опредѣленіи и обоснованіи истиннаго научнаго познанія, въ его отличіи отъ распространенныхъ мнѣній и эмпирически усвоенныхъ взглядовъ С. Н. всегда подчеркивалъ и это было основаніемъ, почему на его семинаріяхъ всегда особенно подробно разбирались, относящіеся къ проблемамъ познанія діалоги Платона: Менонъ, Θеэтетъ, Федонъ, Пиршество и Государство. Конгеніальность и идеальная связь обоихъ философовъ по ихъ одинаковому принципіальному отношенію къ математикѣ и точнымъ наукамъ, на ней основаннымъ, также составляли прочное убѣжденіе С. Н. и этимъ въ значительной мѣрѣ объяснялся его особенный интересъ къ пиѳагорейцамъ, къ начаткамъ точнаго знанія въ древней Греціи, къ исторіи науки вообще. Онъ всегда указывалъ на необходимость не ограничиваться однимъ филологическимъ образованіемъ, всегда совѣтовалъ пріобрѣсти хотя бы общую подготовку въ области математики и наукъ о природѣ и самъ, несмотря на массу спеціальныхъ занятій, поставилъ себѣ за правило прочитывать каждый годъ по крайней мѣрѣ одно или два сочиненія по теоретическому естествознанію и біологіи. Въ этомъ онъ служилъ живымъ примѣромъ для многихъ и всегда очень цѣнилъ знакомство своихъ учениковъ съ математикой и точными науками. Но онъ совѣтовалъ изучать ихъ, для цѣлей плодотворнаго занятія философіи, не въ ихъ результатахъ, а въ ихъ методахъ, не для всегда внѣшней энциклопедической освѣдомленности, а для оріентировки въ принципахъ. Съ этой точки зрѣнія онъ никогда не отрицалъ пользы (какъ нѣкоторые ошибочно заключали изъ его словъ и шутокъ) а, напротивъ, энергично поощрялъ изученіе также физіологіи и экспериментальной психологіи. Но онъ всегда настаивалъ, что область плодотворныхъ изслѣдованій, сюда относящихся, еще не есть философія.

Вообще замѣчательна была ясность его взгляда и широта его научнаго кругозора. Онъ умѣлъ вѣрно почувствовать и тонко схватить внутреннюю послѣдовательность и логическій порядокъ философскихъ проблемъ и это давало ему возможность во-время указать своимъ ученикамъ къ чему отъ чего слѣдуетъ переходить въ изученіи философіи. Отъ Платона и Канта надо приступить къ Аристо-

телю и Спинозѣ. Къ первому потому, что Аристотель впервые распространилъ область философскихъ изслѣдованій на проблемы біологіи и психологіи, былъ первымъ историкомъ философіи и критикомъ увлеченій метафизики Платона, первымъ научнымъ соціологомъ и государствовѣдомъ, въ Спинозѣ же С. Н. видѣлъ типическое завершеніе и внутренній крахъ догматическаго раціонализма, а въ то же время онъ былъ важенъ и интересенъ для него, какъ мыслитель, изъ котораго впослѣдствіи исходилъ Шеллингъ въ обоснованіи новаго трансцендентальнаго идеализма. Наконецъ, черезъ Спинозу же и Лейбница, а затѣмъ Канта и Фихте, шла яркая линія развитія къ Шеллингу также и въ вопросахъ теологіи и исторіи религіи, которой въ послѣднее время такъ много занимался С. Н. и коренному вопросу которой была посвящена его вторая диссертація объ исторіи Логоса. Христологія, въ проблемахъ которой сосредоточивались для него всѣ самые высшіе интересы нравственности и бытія, стала одно время любимѣйшимъ предметомъ изученія С. Н., какъ и друга его Влад. Серг. Соловьева, и всеобъемлющая, проникнутая эстетическимъ и религіознымъ духомъ философія Шеллинга третьяго періода была общей школой обоихъ философовъ въ этомъ направленіи.

Исторіи Логоса С. Н. въ послѣдніе годы собирался посвятить особый курсъ университетскихъ лекцій, чтобы показать связь греческаго умозрѣнія съ основными проблемами еврейской и христіанской религій и сдѣлать достояніемъ своихъ учениковъ результаты своихъ изслѣдованій въ области теологіи. Судьба рѣшила такъ, что этотъ курсъ не былъ прочитанъ, но онъ былъ бы чрезвычайно важенъ потому, что долженъ былъ раскрыть всю послѣдовательность философскихъ проблемъ и ихъ связь съ вопросами религіозной мысли, въ которой одной разрѣшались, по убѣжденію С. Н., послѣдніе вопросы нравственнаго смысла жизни и всего космическаго бытія.

Вообще надо помнить, что если въ вопросахъ теоретической философіи С. Н. былъ вмѣстѣ съ Влад. Серг. Соловьевымъ критическимъ раціоналистомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Канта, въ пользу позитивныхъ воззрѣній котораго онъ рѣшительно ограничивалъ даже діалектическія увлеченія своего любимца Гегеля, то въ области нравственной философіи онъ уже далеко не вполнѣ согла-

шался съ ученіемъ Канта, съ формальнымъ раціонализмомъ его этики. Правда, онъ признавалъ принципъ автономной личности и высоко цѣнилъ заслугу Канта въ выработкѣ и опредѣленіи этого понятія, но союзъ автономныхъ личностей въ нравственно-правовомъ единствѣ государства и церкви, въ кантовскомъ «Царствѣ цѣлей» онъ уже не считалъ возможнымъ обосновать чисто раціоналистически изъ понятія всеобщаго закона и основаннаго на немъ, какъ онъ думалъ, слишкомъ отвлеченнаго у Канта понятія человѣчества и его прогресса. Общеніе людей и единство человѣческаго рода со всѣми, относящимися сюда формами этого единства, вплоть до государства и самаго человѣчества — это единство должно быть живымъ и конкретнымъ, а не только формально-законом*ѣ*рнымъ. Чтобы было осуществлено «Царство цѣлей» нужно прежде всего, чтобы сами эти цѣли перестали быть отвлеченностями, изъ моментовъ л и ч н о с т и стали живыми л и ц а м и. По типу конкретнаго, но въ своей конкретности все же универсальнаго нравственнаго лица, должны быть въ своемъ существованіи оправданы и поняты люди, они должны носить въ себѣ живой образъ Божій, какъ высшій критерій всѣхъ ихъ начинаній и помысловъ, иначе этика будетъ только отвлеченной конструкціей, а нравственная жизнь перестанетъ быть дѣломъ «Живого Бога», безъ котораго нѣтъ ни жизни, ни ея смысла. Но это понятіе «Живого Бога», какъ верховнаго конкретно-универсальнаго нравственнаго принципа, и не только абстрактнаго и д е а л а, уже не можетъ быть достигнуто и оправдано изъ началъ методологическаго идеализма Канта, какъ нельзя достигнуть этого понятія и діалектическимъ идеализмомъ Гегеля съ его универсальной идеей и ея вѣчнымъ движеніемъ. И если односторонность и, такъ сказать недосказанность, критическаго идеализма Канта была, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ смыслѣ, преодолѣна въ системахъ Фихте и Гегеля, — все же ихъ отвлеченный раціонализмъ оказался безсильнымъ передъ послѣдней проблемой нравственнаго сознанія, насколько она касается не только идеи Бога, но самой основы жизни и бытія, его космическаго строя и смысла.

Здѣсь разумъ, какъ орудіе культурнаго сознанія, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, приходитъ, однако, къ своему собственному разумному ограниченію и долженъ уступить мѣсто *новой формѣ со-*

знанія, въ которой постигается то, что составляетъ принципъ всякаго конечнаго разума и бытія, всего міра и его внутренняго смысла. Упомянутая новая форма сознанія есть непосредственный мистическій *опытъ* или мистическое *воспріятіе*, какъ мы знаемъ его въ выраженіяхъ еврейскихъ пророковъ, въ твореніяхъ отцовъ церкви, во всей вообще мистической литературѣ, то же начало, которое открывается сознанію въ этомъ мистическомъ опытѣ или воспріятіи, есть начало Божественнаго Логоса, исторически открывшагося въ личности Христа и его подвигѣ. Къ этому началу раціоналистическій идеализмъ можетъ насъ привести, *приблизить*, но онъ не можетъ постигнуть его. Вотъ почему даже самая глубокомысленная изъ идеалистическихъ системъ—система Гегеля, только внѣшне разрѣшаетъ эту послѣднюю проблему человѣческаго сознанія, раскрывая намъ философскій смыслъ *идеи Логоса*, но не обезпечивая пути и способа проникновенія насъ самихъ этимъ логосомъ, какъ основой жизни. Къ послѣднему можетъ привести насъ только безпристрастное философское изученіе исторіи, особенно же исторіи религій и мистической литературы всѣхъ временъ и народовъ. Отцомъ такой философіи исторіи и философіи религіи, какъ и самой исторіи философіи, какъ науки, былъ, по убѣжденію С. Н., Гегель. Отсюда особенная симпатія и уваженіе С. Н. къ этому философу и его постоянныя указанія на плодотворность изученія его твореній не только въ цѣляхъ спеціальнаго изученія философіи, но и правильнаго научнаго образованія вообще.

Такова была общая программа и планъ философскаго образованія, на которыхъ настаивалъ для своихъ слушателей покойный профессоръ, и я думаю всѣ согласятся, что имъ нельзя отказать ни въ широтѣ замысла, ни въ цѣльности, ни въ равномѣрномъ распредѣленіи научныхъ интересовъ, ни, наконецъ, въ высшемъ педагогическомъ значеніи такого пониманія задачъ и изученія философіи.

Культура нашего общества черезъ культуру его духа и воспитаніе въ понятіяхъ истинной свободы и закона—таковъ былъ идеалъ всей дѣятельности С. Н., цѣликомъ отразившійся и въ его философскомъ преподаваніи.

Философія всегда была для него источникомъ высшей организаціи и устроенія жизни и самъ онъ былъ, поэтому, философомъ

въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Оттого и не было преподавателя ея болѣе убѣжденнаго и вдохновеннаго, чѣмъ онъ. Въ этомъ его безсмертная заслуга.

И если кто-нибудь даже изъ его учениковъ окажется не въ состояніи раздѣлить цѣликомъ его убѣжденій, все же онъ навсегда останется нашимъ общимъ, дорогимъ и незабвеннымъ учителемъ, потому что онъ училъ «не философіи, а философствованію», онъ былъ «учителемъ въ идеалѣ», которымъ живетъ всякая философія и держится вся человѣческая жизнь и дѣятельность.

Воспоминаніе о кн. С. Н. Трубецкомъ.

Рѣчь студ. Н. Н. Русова.

Многіе могли не соглашаться съ общественными идеями покойнаго князя С. Н. Трубецкого, съ его политической дѣятельностью, но именно въ его душевномъ строѣ, въ дарованіяхъ, въ томъ непередаваемомъ словами, что дѣлаетъ человѣка личностью, были черты, которыя притягивали къ нему съ перваго раза всѣхъ, кто зналъ его или только слышалъ. Князь Сергѣй Николаевичъ былъ влекущей къ себѣ личностью.

Высокая фигура и манеры князя были проникнуты изящной нѣжностью, а лицо было одухотвореннымъ.

Мнѣ пришлось слушать лекціи Трубецкого въ маленькихъ аудиторіяхъ стараго зданія, которыя теперь или уничтожены или заброшены... Въ этихъ аудиторіяхъ, такъ сказать, пахло исторіей. Въ нихъ явственно жила толпа воспоминаній. Можетъ быть, именно ихъ посѣтилъ когда-то Пушкинъ; казалось, на этихъ самыхъ ветхихъ, изрѣзанныхъ скамьяхъ сидѣли Бѣлинскій и Лермонтовъ; съ этихъ старинныхъ кафедръ говорили Грановскій, Буслаевъ... Теперь все это исчезло куда-то, но Трубецкой и его лекціи у меня какъ-то срослись съ этой исторически-возвышенной атмосферой. Да они и подходили къ ней. Духъ философіи и духъ Древней Греціи, Анаксагоръ, софисты, Сократъ, Платонъ, Аристотель, все переносило въ былое, отвлекало душу ко временамъ прошедшимъ, даже этимъ исцѣляло душу.

Кто читалъ изданныя лекціи кн. Трубецкого или его «Метафизику въ Древней Греціи», знаетъ только внѣшнюю красоту его фразы, законченность и цѣльность его построенія, удивительную проникновенность его характеристики. Но нужно было услыхать его самого. Трубецкой былъ лекторомъ увлекательнымъ, музыкальнымъ. Онъ былъ весь подвижной на кафедрѣ, хотя жестикулировалъ мало,

только изрѣдка широко разставляя руки, какъ бы обнимая само безграничное, ἄπειρον. Но чувствовалось въ немъ такое внутреннее, душевное движеніе, какъ будто не одно знаніе и умъ диктовало ему лекцію, но и еще какая-то страсть, — къ философіи, къ мысли, къ Древней Греціи. И было безпокойно слушать его лекціи, нельзя было утомиться или оторваться отъ этой музыкальной и трепетной рѣчи.

И когда князь С. Н. Трубецкой уже былъ первымъ избраннымъ ректоромъ, на сходкахъ, бурныхъ студенческихъ сходкахъ того времени, когда все кругомъ него шумѣло и волновалось, свистѣло и хлопало, Трубецкой всегда выходилъ побѣдителемъ.

Профессоръ философіи, авторъ «Метафизики» и «Логоса» превращался въ пламеннаго оратора, даже бойца, который нервнымъ натискомъ своей импровизаціи, силою искренности и одушевленія, заставлялъ всѣхъ и недружелюбно-настроенныхъ къ нему, всю тысячную аудиторію гремѣть долгими аплодисментами.

Мы, участники его семинарій по Платону, имѣли счастіе въ теченіе двухъ лѣтъ по два часа въ недѣлю проводить въ бесѣдѣ съ нимъ. Платонъ былъ его любимѣйшимъ философомъ древности, и въ объясненіи Трубецкого чувствовалось, что онъ воспринялъ этого философа, какъ родного, близкаго сердцу. Онъ вставалъ съ кресла, ходилъ по комнатѣ и смотрѣлъ такъ углубленно,—въ глазахъ отражалось увлеченіе и восторгъ, радость духовнаго наслажденія.

Я помню одинъ семинарій у него на квартирѣ, въ его кабинетѣ. Больной, едва оправившійся, худой, съ такими сморщенными пальцами, Трубецкой былъ особенно очарователенъ; въ своемъ домашнемъ костюмѣ, на своемъ любимомъ креслѣ, онъ былъ еще непринужденнѣе и откровеннѣе. Шелъ разговоръ о величайшемъ въ художественномъ отношеніи діалогѣ Платона «Пиръ», о томъ, что разумѣть подъ Эросомъ. И съ особеннымъ вдохновеніемъ Трубецкой говорилъ о любви.

Но это было давно, когда князь ничего не зналъ, кромѣ философіи, и ничего не искалъ, кромѣ истины. Когда же онъ очутился въ горнилѣ общественной борьбы, когда вокругъ его имени закипѣли страсти, я видѣлъ его близко всего одинъ разъ, да и то на улицѣ. Но перемѣна была рѣзко замѣтна. Онъ шелъ по тротуару,

на Знаменкѣ, съ опущенной головой, высокій и немного сгорбленный; одухотворенность его лица увеличилась до прозрачности. Онъ поклонился съ сосредоточеннымъ выраженіемъ глазъ, какъ будто я разбудилъ его отъ глубокой задумчивости, которая теперь уже ни гдѣ и никогда не покидала его...

«Онъ между нами жилъ», слишкомъ нѣжный и трепетный, чтобы не согнуться и выдержать ревущіе вѣтры. И Трубецкой не выдержалъ, но въ нашемъ университетѣ, въ которомъ столько хранится великихъ воспоминаній, еще одной великой тѣнью, еще однимъ прекраснымъ воспоминаніемъ стало больше.

Привѣтственная рѣчь кн. Е. Н. Трубецкого.

Кн. Е. Н. Трубецкой въ короткой рѣчи привѣтствовалъ общество, какъ возрожденіе историко-филологическаго студенческаго общества, коего предсѣдателемъ былъ кн. С. Н. Трубецкой.

«Я счастливъ», сказалъ между прочимъ профессоръ, «что могу привѣтствовать васъ словами моего покойнаго брата. На собраніи историко-филологическаго студенческаго общества онъ такъ говорилъ о задачахъ послѣдняго. «Я думалъ и говорилъ всегда, что нашему обществу предназначено сыграть большую роль во внутренней жизни университета. Намъ нужно не бюрократическое преобразованіе университета, не эфемерные карточные домики; намъ нужна органическая реформа; она намъ безусловно необходима. Намъ нужно, чтобы университетъ пересталъ быть аггрегатомъ отдѣльныхъ посѣтителей, чтобы онъ сталъ однимъ цѣльнымъ организмомъ, одушевленнымъ одними и тѣми же научными и нравственными идеалами».

Для осуществленія этой органической реформы въ университетѣ покойный С. Н. считалъ прежде всего необходимымъ «сближеніе учащихъ и учащихся»; а въ этомъ дѣлѣ онъ приписывалъ весьма значительную роль научнымъ студенческимъ обществамъ, гдѣ въ качествѣ членовъ участвуютъ профессора и студенты. Воспитанный на древне-греческой философіи, покойный всегда предпочиталъ діа-

логъ монологу. Его идеаломъ была не та нѣмая аудиторія, которую профессоръ находитъ на лекціяхъ, а аудиторія говорящая, гдѣ происходитъ живой обмѣнъ мысли между учителемъ и учениками.

Для осуществленія этого идеала недостаточно практическихъ занятій: на практическихъ занятіяхъ еще не упраздняется разстояніе между профессоромъ и студентомъ; тутъ первый является руководителемъ послѣднихъ; отъ не него исходитъ общій планъ занятій, который, слѣдовательно, не зависитъ отъ свободнаго выбора студентовъ. Только въ научныхъ обществахъ окончательно уничтожаются всякія перегородки между младшими и старшими членами академической семьи. Тѣмъ самымъ создается почва для наиболѣе тѣснаго общенья.

Свою рѣчь кн. Е. Н. Трубецкой закончилъ словами:

«Назвавъ новое общество именемъ моего покойнаго брата, вы оказали ему высшую почесть, какую ученики могутъ оказать учителю: вы показали этимъ, что теперь какъ и прежде вы воодушевлены его стремленіями, что послѣ его смерти въ васъ живы его идеалы».

Заключительное слово.

Рѣчь проф. С. А. Муромцева.

Съ чувствомъ любви, благодарности и благоговѣнія посвятили мы, милостивыя государыни и милостивые государи, сегодняшній вечеръ памяти человѣка, столь неразрывно связавшаго свое славное имя не просто съ именемъ московскаго университета, но съ именемъ университета той исключительной эпохи его существованія, когда университетская жизнь всколыхнулась, захваченная взволновавшими все русское общество стихійными порывами въ новое будущее. Счастливъ народъ, счастливо общество, когда въ подобныя эпохи позади себя имѣютъ долгую школу политическаго воспитанія, научившую соединять напоръ историческаго движенія съ организаціонной силой народнаго творчества. Но когда прошлое не даетъ этого опыта, необходимость въ проявленіи устрояющаго начала отъ того не умаляется; и въ то время, когда встревоженный и близорукій средній человѣкъ отъ надеждъ обратится къ проклятіямъ; когда человѣкъ болѣе дальновидный, но умудренный практической обыденной жизнью, желающій дѣйствовать навѣрняка, предпочитаетъ удалиться на-время въ сторону, сохраняя выжидательное положеніе,—тогда гражданинъ-философъ, гражданинъ-моралистъ и гражданинъ-человѣкъ въ надвигающейся грозной бурѣ стихійнаго волненія умѣетъ разгадать творческія струны новой жизни. Со свойственною философу проникновонностью, съ принадлежащею моралисту вѣрою въ идеалъ и съ отличающей широкое сердце чуткостью онъ познаетъ творческіе элементы въ кажущемся хаосѣ возникшихъ столкновеній. И развѣ онъ не имѣетъ права, развѣ онъ не долженъ, призвавъ на помощь все мужество и самообладаніе, вмѣшаться въ цѣпь проходящихъ событій ради выясненія родившагося творчества жизни близорукимъ и ради защиты его отъ разрушительнаго воздѣйствія отовсюду возникающихъ сомнѣній? Не легка

эта задача! Заключенный въ ней подвигъ раскрывается во всей полнотѣ, можетъ быть, лишь тогда, когда онъ отошелъ уже въ невозвратное прошлое. Велика личная жертва, приносимая человѣкомъ, вносящимъ устроеніе въ потокъ лавы, еще не оформленной. Когда покойнаго князя С. Н. Трубецкого привѣтствовали съ состоявшимся избраніемъ въ ректоры университета, онъ, тономъ, полнымъ горькаго предчувствія, отвѣчалъ: «Съ чѣмъ вы меня поздравляете? Вы со смертью меня поздравляете»... Онъ зналъ, чѣмъ онъ жертвовалъ лично общему дѣлу. Онъ умеръ раньше, чѣмъ могли этого ожидать его окружающіе. Но рѣдко кто такъ умиралъ ради дѣла, которое все было жизнь, устроеніе и гармонія. Разойдемся же съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ мы сошлись сюда,—съ чувствомъ любви, благодарности и благоговѣнія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

Черты міровоззрѣнія кн. С. Н. Трубецкого, рѣчь проф. В. И. Вернадскаго. 5

Памяти академической дѣятельности кн. С. Н. Трубецкого, рѣчь проф. А. А. Мануилова 14

Кн. С. Н. Трубецкой, какъ религіозный мыслитель, рѣчь пр.-д. С. Н. Булгакова 16

Кн. С. Н. Трубецкой, рѣчь пр.-д. Н. В. Давыдова 27

Значеніе кн. С. Н. Трубецкого для русскаго общества, рѣчь проф. В. М. Хвостова 31

Общественная дѣятельность кн. С. Н. Трубецкого, рѣчь Е. А. Ефимовскаго. 34

Памяти кн. С. Н. Трубецкого, рѣчь пр.-д. С. А. Котляревскаго 38

Кн. С. Н. Трубецкой въ его отношеніи къ университетской наукѣ, рѣч. проф. П. И. Новгородцева 42

Кн. С. Н. Трубецкой, какъ философъ и учитель, рѣчь Б. А. Фохта 46

Воспоминаніе о кн. С. Н. Трубецкомъ, рѣчь Н. Н. Русова 54

Привѣтственная рѣчь кн. Е. Н. Трубецкого 56

Заключительное слово проф. С. А. Муромцева 58

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.